

НИКОЛАЙ ОБОДНИКОВ

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

Миллехейм
Волчий ветер

Николай Ободников
Лиллехейм. Волчий ветер

«РОСМЭН»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6

Ободников Н.

Лиллехейм. Волчий ветер / Н. Ободников — «Росмэн», 2022

ISBN 978-5-353-10475-9

Между высокими скалами и холодным морем расположился тихий норвежский городок. Русская семья, приехавшая в Лиллехейм, радуется невероятной красоте севера и гостеприимству местных жителей, и впереди у всех – спокойное, по-своему интересное лето... Но когда из глубин древних гор выходит настоящая скандинавская легенда, размеренную жизнь Лиллехейма в клочья разрывает «ветер волков». Глаза Сифграй словно бездна. Шкура Сифграй словно камень. Ее «ветер волков» беспощаден. Что же делать? Как сбежать от ужаса и кровавого безумия? Вы точно знаете своих соседей? Лиллехейм уже никогда не станет прежним. Как и те немногие, кто сумел выжить.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-10475-9

© Ободников Н., 2022

© Росмэн, 2022

Содержание

Часть 1. Лиллехейм	6
Сны	7
Прибытие	10
Встречающие	13
Знакомство	17
Осмотр дома	20
По пути	23
Обычные дела	26
В гостях у Шакальника	27
Добро пожаловать на танцпол, детка	32
Явление бога метеорологии	34
Первый вечер	37
Ужин Арне	39
Семья Дэгни	41
Тревоги Франка	43
Метеостанция	46
Видение	49
Во плоти	51
Часть 2. Сара Мартинсен	53
Похищенная	54
Осмотр и прочие хлопоты	56
Неприятная беседа	59
Первые звонки	62
Крысы	64
Тюлень	66
Под носом	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Николай Ободников

Лиллехейм. Волчий ветер

© Н. Ободников, текст, 2023

© ООО «РОСМЭН», 2023

Часть 1. Лиллехейм

СНЫ

В ту ночь Ингри Орхус спала плохо. Сперва она грешила на картофельный самогон, в котором оказалось слишком много специй и от которого началась мигрень. Потом шестидесятилетняя хозяйка бакалейной лавки «Аркадия» решила обвинить во всем дувший с моря Ноготь Гáрма. Так в Лиллехейме называли муссон, приносивший с влажных просторов океана холод и боль суставам.

Наконец Ингри поняла, что спит. Ее красный двухэтажный коттедж, с его вечно протекающей системой отопления, окружили волки. Хищники бродили по лужайке дома и постукивали когтями по мокрому асфальту улицы. Сама женщина стояла у окна, выходящего на Врата Допса, и всхлипывала. Она не слышала лая Лукаса и каким-то образом знала, что дункер¹ мертв. Точно так же были мертвы и все жители Лиллехейма. Остались только волки.

Хватая ртом воздух, Ингри проснулась. Она ощупала постель и обнаружила, что простыни промокли. И не вся влага принадлежала ее потовым железам. Женщина горько усмехнулась. В девять лет на экскурсии в Осло ее зацепил проезжавший эвакуатор. Водитель-кретин подумал, что пара цепей на борту украсят машину. Одна из них угодила под ляжку школьного рюкзака и швырнула Ингри почти через всю улицу. И никто не смеялся, когда выяснилось, что перепуганная насмерть девочка обмочилась.

Но сейчас Ингри была бы рада и насмешкам. В темноте слышалось сопение Лукаса. Женщина села на край кровати и подумала о Кристофере, жившем на другом конце города. Интересно, что снится ее сыну?

* * *

Схожие чувства опустошения и страха терзали и Матса Андерсена. Сорокалетнего аптекаря пробудил надсадный кашель. Спohватившись, он подавил рвавшиеся наружу звуки, способные перебудить все семейство. И чем больше он кашлял, тем сильнее болела голова. Хéлен, обычно спавшая довольно чутко, не проснулась. А вот малышка Фрида...

Матс бросил взгляд на угол спальни, где стояла кроватка четырехлетней крошки. Тонкие полосы уличного освещения, прорывавшиеся сквозь жалюзи, обрамляли тень. Тень стояла на задних лапах и, опустив голову в кроватку, что-то ела. Звуки кормежки, нарушавшие ночную

---

¹ Норвежская гончая. – Здесь и далее примеч. авт.

тишину, привели Матса в ужас. Мужчину охватило чувство непоправимой сюрреалистичной трагедии. А потом тень повернулась.

Волк.

Зверь, чьи глаза напоминали вдавленные черные колодцы, направился к застывшему аптекарю. Матс закричал, как обычно кричат в кошмарах, – без звука и без воздуха в легких. Когда тварь, сожравшая малышку Фриду, впиалась в глотку аптекаря, тот наконец-то проснулся. Дрожа всем телом, Матс обнял жену, и она, к облегчению аптекаря, взяла его руку. Кошмар сгинул, но мужчина так и не нашел в себе сил, чтобы заглянуть в кроватку младшей дочери.

* * *

Эрик Йёртсен курил на крыльце. Для августовской ночи было довольно тепло. Ноготь Гарма пытался сбить температуру до десяти градусов, но ночной воздух уверенно держал все пятнадцать. Завтра Эрику предстояло знакомство с Дианой, и он несколько нервничал. На метеостанцию «Химмелфангер» и сотрудничество с Росгидрометом возлагались большие надежды. Если бы не та спиральная аномалия, черта с два в такую дыру, как Лиллехейм, кого-нибудь направили бы.

Старший метеоролог «Химмелфангера» попытался сделать затяжку и с удивлением обнаружил, что сигарета выпала из пальцев. Чертыхнувшись, полез в задний карман джинсов за новой. Но и сигаретная пачка ударилась о разошедшиеся доски крыльца и провалилась в щель между ними.

Эрик без особого энтузиазма потянулся за сигаретами и замер, разглядывая волчью лапу, заменившую человеческую кисть. Заморгал, пытаясь понять, что видит. Огрубевшие подушечки пальцев. Шерсть, из которой торчали когти.

В спине хрустнуло, и Эрик, подчиняясь внезапной боли, опустился на карачки. Царапнул доски. Новое тело казалось раздутым и чужим – неудобным. Он закричал, пытаясь схватить себя за голову. Лапы скользнули по волчьей морде, из которой, будто из пещеры, со свистом выходил вой.

На крыльце коттеджа извивался и рычал огромный волк, и Эрик смотрел на него со стороны. Таращился на самого себя.

Он рывком сел, запутавшись в одеяле. В доме стояла невыносимая жара, от которой разболелась голова. Эрик с помощью термостата уменьшил температуру на пару градусов и, захватив со столика пачку сигарет, направился на крыльцо. Распахнув дверь, он с недоверием посмотрел на собственные руки. Вполне человеческие. Эрик покосился на разошедшееся крыльцо и закурил, оставшись в дверном проеме.

* * *

Сигни Пёттерсон тоже снился сон. Она находилась на темной, обесточенной кухне своей пекарни, гарантировавшей, что жители Лиллехейма получают свежую выпечку к утреннему кофе. Эту смену кошмара она несла в полнейшем одиночестве. Ее руки разминали холодное тесто, тогда как сама она со страхом поглядывала через коридор на улицу.

Ее ждали волки.

Они сидели на асфальте, практически в полумраке, потому что освещение Кристиановой улицы, где располагалась пекарня «Золотая челка», сбило. К ужасу Сигни, твари с вдавленными глазами становились все нетерпеливее. Наконец женщина вынесла ком сырого теста наружу. Боясь опустить глаза, уставилась на заброшенные коттеджи ночного Лиллехейма.

Неожиданно ее руки поглотил холод. Волки хватали тесто и с рычанием отходили. Сигни, повинувшись зловещему течению сновидения, опустила взгляд. Ее рот распахнулся в крике, которого не было.

Руки женщины, сточенные зубами проголодавшихся тварей, заканчивались в локтях.

И волки все продолжали насыщаться ее отмиравшей плотью.

Сигни со всхлипом очнулась. Обхватила себя, с облегчением обнаружив, что руки в порядке. Впервые в жизни обрадовалась неизбывному рыбному душу, исходившему от сопевшего рядом Эджила. Следующий час женщина провела за повторением «Малого катехизиса». Закрепление основ христианства успокаивало ее, особенно когда начинало казаться, что Богу плевать на то, как они живут и умрут. Как в эту ночь.

* * *

Ничего не понимая, Микаэль Скоглунн изучал волков. Кружившие вокруг него звери напоминали чудищ с просверленными глазницами в лохматых головах. Сам пожилой шахтер был почему-то абсолютно голым. Он огляделся: внизу простирался безжизненный Лиллехейм, казавшийся серым в свете ночного неба. Море напоминало графитовую каплю, заполнившую бухту Мельген.

Микаэль находился на одной из вершин Подковы Хьёрикен, бравшей городок в плен громадной дугой из скальных возвышенностей, меж ребрами которой с запада втекало окраинное море Ледовитого океана. Закрывая промежность руками, мужчина закричал, призывая показаться хозяйку хищников. Ветер унес его бессвязный вопль и спихнул с обрыва. Волки зарычали, и Микаэль узнал смех.

Чертовы твари смеялись над ним.

Пожилой шахтер бросился к лапам уродливого самца, и тот с брезгливостью отпрыгнул. Микаэль причитая потянулся к остальным. Но страшные животные лишь посмеивались хриплыми голосами.

Когда Микаэлю показалось, что *она* вот-вот явится, сон оборвался. Тяжело дыша, он соскочил с кровати и выбежал на задний двор. Освещение Пил-стрит охватывало почти всю территорию двора. В его северной части был установлен специальный навес, защищавший от дождя, солнца и ненавистных огней улицы. Именно здесь Микаэль укрывал фрагмент горной породы – каменную статуэтку, причину обвала в угольной шахте «Гунфьель» в 2018 году.

Его возлюбленная.

Его Сифграф.

Вскоре Микаэль облегченно выдохнул, гоня прочь остатки сладкой дрожи. Запечатленный в камне зловещий образ наполнял его силой. И силу эту он требовал лишь для себя.

Вернувшись в дом, мужчина залез под одеяло и, абсолютно умиротворенный, закрыл глаза.

* * *

В ночь со второго на третье августа жителям Лиллехейма снились волки, но многие так и не вспомнили эти сны. Остальные же предпочли молчать, справедливо полагая, что жизнь на стылой окраине сложна и без этого.

Прибытие

На обочине шоссе-серпантина остановился арендованный «Фольксваген-Гольф» восьмого поколения. Салон был забит сумками, обклеенными бирками транспортного контроля аэропорта Мушёэн. Лишь желтому чемодану на колесиках и саквою в разноцветных пятнышках не хватило места, и им пришлось ютиться на крыше, продуваемой северными ветрами Норвегии.

Первым из машины, как водится, выскочил мальчик. Удобные штаны, ботинки, способные выдержать кусачую горную породу, утепленная джинсовая курточка. Вздрыбленные от волнения темно-русые волосы.

На лице – бремя тринадцатилетнего возраста, когда тело вытворяет всякие странные штучки, вроде новых очагов роста волос.

Серые глаза с восторгом охватили раскинувшийся внизу городок, подпираемый справа блестящим полотном моря. Рот открылся для вопля, и крепкая ладонь взрослого, выбравшегося следом, едва успела потушить крик.

– Хочешь, чтобы нас завалило, шеф? – Лео обнял сына и показал на каменистый косогор, упиравшийся в синеву горного неба.

Дима проследил за рукой отца и проглотил вспыхнувшую отповедь: массивные сколотые валуны, усеявшие северо-восточный склон, казалось, так и ждали команды «На старт!». Вдобавок в прокате автомобилей им все уши прожужжали, что, пока они на серпантине, нельзя сигналить, кричать и любым другим образом создавать эхо, способное вызвать камнепад.

– Пап, прекрати, – наконец буркнул Дима, но улыбку, вызванную объятием отца, так и не сумел прогнать.

– Да, пап, прекрати, – поддержала сына Диана. Она тоже покинула машину, ощущая себя просеянным по дороге песком. – Как вам Лиллехейм?

– Пугает своей реалистичностью, – ответил Лео и, немного поразмыслив, пришел к выводу, что сказал чистейшую правду. – В любом случае это будет интересный опыт.

Городок площадью чуть меньше девяти квадратных километров уютно покоился в скалистой чаше, имевшей название Подкова Хьёрикен. На далеких южных склонах просматривалась крошечная черная точка: вход в угольную шахту, разработка которой в 1971 году положила начало городку, продолжившему существовать и после истощения угольной жилы в 2018-м.

С километрового расстояния коттеджи Лиллехейма казались игрушечными коробками. Такие же игрушечные машинки ползли к единственному шоссе, пронзавшему Подкову Хьёри-

кен и затем выводившему через пятьдесят километров к Мушёэну, административному центру коммуны Вефсн.

Прочь из бухты направлялись два малых траулера, и Лео ощутил потребность описать, как эти два черно-красных судна, напоминая птиц, выпархивают на просторы моря, а потом и океана.

– Ага, месяц опытов, – наконец отозвался Дима и закатил глаза, когда родители рассмеялись.

– А если дело все-таки в ракетах? – спросил Лео у жены.

Та пожала плечами:

– Ты же у нас писатель. Докопайся до истины.

– Ну уж нет, дорогуша. – Лео обнял Диану, и та зарделась, словно ее приглашали на танец. – До истины будете докапываться вы, господа метеорологи.

– Скажешь тоже.

Дима знал и недолюбливал эту историю, совершенно дурацкую, на его взгляд. Около тринадцати лет назад, декабрьской ночью, северные провинции Норвегии потрясло удивительное метеорологическое явление. В небе возникло голубое облако, представлявшее собой светящуюся спираль. Оно раскручивалось в течение пятнадцати минут, пока не трансформировалось в гало с зеленым пятном в центре². Домыслов о происхождении аномалии было много – от конца света и до черной дыры, которая почему-то оказалась спиралью.

Затем спиральная аномалия наблюдалась еще два раза: в августе 2020-го и в сентябре 2021 года. И оба раза – над Лиллехеймом. Как будто что-то, порядком устав, решило осесть именно здесь – в центре Подковы Хьёрикен. Гонясь за хвостом ускользящей светящейся спирали, власти Норвегии возвели на юго-восточном склоне метеорологическую станцию «Химмелфангер».

И все бы ничего, если бы не одно существенное «но», попахивавшее, по мнению Лео, старыми носками и загадкой.

Согласно официальной информации Министерства обороны России, 9 декабря 2009 года, когда впервые возникло облако-аномалия, подводный ракетоносец «Дмитрий Донской», находившийся в то время в Белом море, произвел пуск межконтинентальной баллистической ракеты. И на одном из последних этапов полета произошел технический сбой³. Что за сбой – не уточнялось. Да и не было ни у кого полномочий, чтобы то самое уточнение получить.

Феномен стал широко известен, и Россия всеми силами пыталась доказать, что метеорологические аномалии Норвегии никакого отношения к баллистическому оружию не имели.

Таким образом, семья Хегай в полном составе очутилась на серпантине, жмурясь от солнца, вдыхая прохладный воздух и изучая раскинувшийся внизу Лиллехейм. Диану, как сотрудницу Росгидромета, отправили в месячную командировку на норвежскую метеостанцию «Химмелфангер». А Леонид и Дима попросту поддались ее обаянию, разменяв месяц летних каникул на двадцать пять дней прохлады на родине бородатых и воинственных мореплавателей. И это было лучше, чем духота Москвы.

– Третье августа, начало первого, а мы у черта на норвежских куличках, – объявил Лео, сверившись с наручными часами. – Какие будут идеи?

– Набить брюхо? – наугад предложил Дима.

– Туалет? – вставила Диана.

– А вас вдвоем лучше не оставлять одних, верно? – Лео расхохотался, возвращаясь в машину. – Нас точно встретят?

---

² Подобная аномалия действительно наблюдалась в ночном небе Норвегии 9 декабря 2009 г.

³ Одна из версий возникновения аномалии.

Диана уселась на пассажирское сиденье и на миг стала объектом пристального и чуть удивленного взгляда мужа. Она знала, что хорошо выглядит для своих тридцати семи лет и что это поражает Лео, чья забота о собственном здоровье сводилась к потягиванию и зевкам за компьютером.

Активировав смартфон, Диана пробежала глазами по переписке с Эриком Йертсеном, старшим метеорологом «Химмелфангера».

– Нас уже ждут, – сказала она. – Эрик спрашивает, не будем ли мы против, если нам представится инспектор?

– Что за инспектор? – с беспокойством спросил Дима.

В школе их часто пугали инспекторами по делам несовершеннолетних. Но подобные грешки имелись только у Бычьего Глаза, главного хулигана их класса, чей правый глаз всегда косил куда-то вбок.

– Инспектор – что-то вроде старшего лейтенанта нашей полиции, если я правильно помню, – сообщил Лео, вырубивая на шоссе. – Что ж, по крайней мере, мы будем на виду.

Не разделяя оптимизма отца, Дима уставился в окно. Лиллехейм неторопливо приближался, грозя существенными изменениями в их жизнях.

Встречающие

Лиллехейм напоминал трехмерную, обласканную ветром и солнцем открытку. Шоссе, прекратив игры с серпантином северного склона Подковы Хьёрикен, втянулось в городок, и за окнами фольксвагена замелькали опрятные коттеджи, преимущественно цвета толченого красного кирпича. Двое мужчин тащили рыболовные снасти, громко сетуя на прорехи и несчастливую задницу Харальда. Шедший за ними толстяк в вязаной шапочке – видимо, тот самый Харальд – лениво оправдывался. С противными криками металась чайки.

Лео, сверившись с уличным указателем, повернул влево:

– Гренсен. Нам сюда.

Диана принялась вглядываться в прохожих. Семейство Хегай должны были встретить, и ей совсем не хотелось пропустить Эрика, с которым она поддерживала контакт еще с начала весны. От пространных размышлений Диану отвлек автомобильный сигнал.

На обочине перед лужайкой двухэтажного домины со встроенным гаражом стояли двое.

Первый, рыжеволосый бородач в красной куртке, как раз убирал руку от руля синей «Шкоды-Октавия». Рядом с бородачом, положив руки на форменный пояс, покачивался на каблуках полицейский в бейсболке. За шкодой виднелся служебный универсал вольво с проблисковыми маячками, имевший характерные желто-синие прямоугольники на белых боках.

– Вы успели спрятать сахарную пудру? – вдруг спросил Лео страшным голосом, паркуя фольксваген.

– Что? Зачем? – Дима ощутил беспокойство, словно наличие измельченного сахара могло им чем-то грозить.

– А ты не знал, шеф? Полицейские всех стран – ужасные сладкоежки.

Дима хохотнул, оценив шутку. Диана погрозила им пальцем и первой выбралась из машины.

– Эрик Йертсен. – Бородач протянул руку. В рыжих зарослях мелькнули желтоватые зубы – жертвы никотиновой зависимости. Показал взглядом на полицейского: – Кристофер Орхус.

– Диана Хегай, – с улыбкой представилась Диана и пожала руки. Она уже была знакома с Эриком, но решила не нарушать протокол приветствия.

Лео поспешил к жене и прижал ее к себе, вызвав с ее стороны легкое неудовольствие. Слишком уж явно просматривался жест заявления прав на супругу, будто на территорию, которую следовало пометить.

– Леонид, муж Дианы, – отрекомендовал себя Лео и представил сына: – Дима – самый послушный мальчик в радиусе трех метров.

Мужчины обменялись рукопожатиями, не позабыв и о парнишке.

– Добро пожаловать в Лиллехейм. Я немного введу вас в курс дела и, так сказать, обозначу безопасные границы. – Говорил Кристофер медленно, чуть растягивая слова и делая между ними паузы.

Не выдержав, Лео рассмеялся и замахал руками:

– Кристофер, не беспокойтесь, мы прекрасно освоили норвежский. Четыре раза в неделю по полтора часа, и все это в течение девяти месяцев. Времени, как видите, было достаточно.

На белом, гладковыбритом лице Кристофера проступили красные пятна, обозначающие либо внезапный приступ аллергии, либо крайнюю степень смущения.

– Население Лиллехейма на восемнадцатый год составляло чуть выше четырех тысяч, – продолжил полицейский, понемногу возвращая схлынувшую уверенность. – Сейчас не наберется и одной. После закрытия угольной шахты «Гунфьель» город пришел в упадок. Многие уехали. Впрочем, рыболовный промысел процветает.

– А что ловят? – оживился Лео.

Кристофер пожал плечами: он не испытывал никакого интереса к ловле рыбы.

– Палтус, треску, сайду. Бывает, и морской черт в Мельген заглядывает.

– Мельген – бухта, – напомнил Эрик. – Жить будете здесь. – Убедившись, что все посмотрели на коттедж, произнес: – Холодильник, отопление, электричество, интернет – все исправно и к вашим услугам. В гараже даже найдется велосипед для парня.

– Лиллехейм, я иду! – с восторгом воскликнул Дима.

Его энтузиазм первооткрывателя вызвал у Дианы досаду.

– На дорогах абсолютно безопасно, – заверил ее Кристофер, не без облегчения переводя беседу в привычное ему русло. – Машин не так много, а их владельцы руководствуются правилом поведения на серпантине: доедет только немой и слепой.

– Не ори и езжай так, будто ничего не видишь? – уточнил Лео и достал смартфон.

– Именно. Вы делаете заметку?

– Ну, собираю все, что может пригодиться.

– Муж Дианы – писатель, – вставил Эрик.

– Леонид, – напомнил Лео. – Муж Дианы – Леонид.

Дима ощутил, как взрослые притихли, словно попали в паутину, увязли в собственных мудреных речах. И будут так висеть, пока кто-нибудь не выпутается первым или не порвет паутину. Но в таком случае могут порваться и отношения.

– А почему вы не носите с собой оружие? – спросил Дима у полицейского.

Кристофер оглядел свой пояс, на котором болтались наручники, в специальном отсеке покоился перцовый спрей, а в кармашках лежал комплект одноразовых латексных перчаток. Улыбнулся.

– А ты наблюдательный. Пистолет в машине.

– А если он вдруг срочно понадобится? – не унимался Дима.

– Тогда я за ним сбегаю. Потому что норвежские полицейские в первую очередь несут обязательства перед гражданами, а не перед государством.

– Странно.

– Ну-ну, шеф. – Лео потрепал сына по голове. – Мы же говорили об этом. Мы – гости. Вежливые и тактичные.

– Да, пап.

– Кристофер, ты что-то говорил про безопасные границы, – напомнил Эрик. Ему уже порядком осточертело торчать на улице, а все эти отвлеченные разговоры только сильнее стискивали его мочевого пузыря.

– Конечно, – спохватился полицейский. – Лиллехейм занимает южную и восточную части Подковы Хьёрикен. Еще южнее, на склонах, находится «Гунфьель». Заходить в шахту стро-

жайше запрещено, и дело не только в самом запрете, но и в угрозе жизни. В центре Подковы находится бухта Мельген, выход из которой приходится на запад. На севере – серпантин и Утесы Квасира.

– Господи, вы про то жуткое место на дороге, где с двух сторон нависают скалы? – Диана зябко поежилась. Перед глазами предстало шоссе, зажатое мраком, который источали скальные массивы. Будто нить ползла через бесконечное каменное ушко.

– Оно самое, – подтвердил Кристофер. – В общем, весь Лиллехейм – зеленая зона. Склоны и шахта – зона повышенной опасности. Так что держитесь зелени. О, чуть не забыл: ниже по Гренсен находится «Аркадия». Это бакалейная лавка. Держит ее Ингри, моя мать. На Кристиановой улице, что в северной части Лиллехейма, найдете «Золотую челку» – единственную на весь городок пекарню. Морковный пирог, пицца с морепродуктами – что пожелаете. Есть и другие точки общепита. Ну и конечно, аптека на Ривер-стрит. Работает она, сами понимаете, не круглосуточно, так что старайтесь заранее обнаруживать возможные прорехи здоровья.

Лео все тщательно вбил в смартфон, и Кристофер улыбнулся. Возможно, с этими приездами будет не так много хлопот.

– А как люди? – с долей опаски поинтересовалась Диана. – Не хотелось бы столкнуться с чем-то вроде ксенофобии.

Кристофер рассмеялся:

– Это не про Норвегию.

– А вы можете поручиться, что никто не попытается утащить моего сына?

Полицейский сбросил улыбку, уловив в голосе женщины стальные нотки. Впрочем, оно и к лучшему: родители, следящие за собственным чадом, – всегда хорошо.

– В городе вы можете услышать о свихнувшемся шахтере по кличке Шакальник. – Заметив, как напряглись Лео и Диана, Кристофер поднял руки: – Не беспокойтесь, Микаэль Скоглунн – обычный человек, который обожает лепить из хлеба собачек, а потом съесть их. Этим свое прозвище среди детей и заслужил.

– А почему тогда «свихнувшийся»? – уточнил Лео.

– Ну, он провел под завалом около двух суток. Он же – единственный из всей третьей смены, кто под него угодил. Так что Микаэль предпочитает общество камней и искусственных животных.

– Ясно, – протянула Диана и взглянула на сына.

Дима едва не застонал, почти физически ощутив, как мать в мыслях надевает на него ошейник и приковывает к своей ноге.

Кристофер вынул из кармана форменного жилета несколько пластиковых карточек и вручил их семейству Хегай, включая мальчика.

– Здесь номера телефонов экстренных служб, в том числе и телефонный номер нашего полицейского участка в Лиллехейме. Буду признателен, если вы будете раз в четыре дня сообщать мне, как у вас дела.

– Непременно, – произнес Лео безо всякой охоты.

– Мне пора. Еще раз – добро пожаловать в Лиллехейм.

Попрощавшись, Кристофер сел в машину и выехал на дорогу. Эрик проводил взглядом удалявшийся полицейский вольво, после чего с облегчением выдохнул и повернулся к Лео и Диане.

– Вот ведь прилипала, – заключил он с усмешкой. Сделав первые шаги по направлению к парадной двери коттеджа, Эрик сказал: – Ну что, давайте покажу ваше пристанище на ближайший месяц.

– Звучит зловеще, – заметил Лео, направляясь за ним следом.

– Не зловещее истории про этого местного Собакогрыза, – проворчала Диана, открывая фольксваген, чтобы взять с заднего сиденья свою дорожную сумку.

– Мам, пап, а можно я возьму велик и покатаюсь по улице? – внезапно попросил Дима и быстро добавил: – Только здесь, рядом. По тротуару. Ну? Чего молчите?

Лео уже знал, что сейчас выдаст Диана. Что-то вроде заунывной серенады про безопасность и ответственность. И он признавал, что отчасти она права. Отчасти.

– Шеф, ты никак собрался пропустить разгрузку багажа и распаковку вещей?

Дима обрадовался. Если отец начинал с подобных вопросов, то разрешение не за горами. Главное, правильно подыграть.

– Оставьте мне пять самых тяжелых чемоданов, и я разделаюсь с ними одной левой.

– Хорошо. Но чтобы геолокацию на телефоне не отключал, ясно? И чтобы на звонки отвечал!

– Так точно, капитан!

– Валяй, шеф. Развлекайся.

Не став вмешиваться в разговор, Диана одарила супруга недовольным взглядом. Тот пожал плечами и пошел за улыбающимся Эриком, который уже нажимал на кнопку брелока, поднимающую автоматическую дверь гаража.

Расплывшись в улыбке до ушей, Дима бросился в светлеющую темноту, пропитанную запахом машинного масла и топлива. Внутри его поджидало двухколесное счастье, сулившее скорость, от которой все внутренности будут болтаться как на ниточках.

Знакомство

Велосипед до того приятно оттягивал руки, что Диме сразу захотелось прокатиться на нем. Однако вместо того, чтобы сломя голову помчаться по улице, он выкатил двухколесный транспорт на солнце и хорошенько оглядел его. Двадцать четыре скорости, алюминиевая рама красно-оранжевого цвета, шипастые колеса, способные доставить ездока в пункт назначения и по асфальту, и по бездорожью. Мечта, а не велосипед.

– Это «Мерида», – заметил кто-то с напускной небрежностью. – Почти на таком же Гунн-Рита выиграла кубок мира по многозадачным гонкам на горных велосипедах.

Дима оторвался от изучения гидравлических тормозов и оглянулся.

На асфальте, в трех метрах от лужайки коттеджа, замерли двое подростков – мальчик и девочка, одногодки младшего Хегая. Парнишка имел выразительные глаза, синеву которых только усиливали практически белые волосы. Его спутница обладала той же синевой в глазах, а вот ее волосы напоминали рыжее пламя, свитое в две короткие косички. У ног ребят с ленивым видом зевала серая лайка. Вдобавок они держали в руках велосипеды, похожие как две капли на тот, что достался Диме.

– Кто такая Гунн-Рита? – Дима попытался изобразить безразличие.

Получилось так себе.

Девочка решительным движением поставила велосипед на подножку и направилась к Диме. Сжав губы и чуть нахмурившись, протянула руку.

– Гунн-Рита – это ты? – не понял Дима. Он машинально потряс предложенную конечность. Рукопожатие получилось не по-детски крепким.

Незнакомый мальчик покотился со смеху:

– Во дает, а, Тор?

Собака, услышав свое имя, гавкнула.

– Дэгни Андерсен, – представилась девочка. Она едва сдерживала улыбку. – Гунн-Рита – норвежская спортсменка и олимпийская чемпионка. Ей уже под пятьдесят. Или мне тоже под пятьдесят?

На ум покрасневшему Диме пришла наивысшая оценка, которой отец обычно награждал только лучшие предметы и события, вроде пиццы с двойным пеперони или удачно заброшенной шайбы.

– Ну, ты – самый сок, – промямлил он, не вполне понимая, уместно ли будет такое сравнение.

Как оказалось, уместно. Дэгни буквально расцвела и неосознанным жестом поправила огненные косички. Хозяин собаки, опомнившись, подошел к ним. Лайка поплелась следом.

– Арне Петтерсон, – отрекомендовал себя мальчик и тоже пожал Диме руку.

– Петтерсон, Андерсен... – пробормотал тот, совершенно сбитый с толку схожестью фамилий. – Как бы не запутаться.

Подростки хохотнули, видя растерянность нового приятеля.

– Тебя-то как звать, русский мальчик? – спросила Дэгни.

Диме почему-то стало очень стыдно за собственное имя, как будто здесь, в Лиллехейме, оно было не оригинальнее звука унитаза, спускающего воду.

– Дима Хегай.

– А че, нормально, – оценил Арне. – А ляпни что-нибудь по-русски, а?

– «Не плюй в колодец: пригодится воды напиться», – выдал Дима первое, что пришло на ум.

Глаза Арне и Дэгни расширились от восторга. Новые лица в Лиллехейме появлялись редко, а уж иностранцы – так вообще впервые.

– Ругаться потом научишь, – бросил Арне и, подхватив заупрямившуюся лайку, предъявил ее: – А это – Тор! Мой верный защитник! Норвежский серый элкхаунд!

– И любитель полизать кое-что неприличное, – с ехидством вернула Дэгни.

– А что? У собак рук-то нет? Нет. Вот они и моются как могут.

– Привет, Тор! – Дима с осторожностью потрепал лайку по загривку, и та обмякла от наслаждения на руках хозяина.

А потом Дима залился краской до кончиков волос, потому что в идиллию знакомства вклинилась самая постыдная вещь на свете – мамин голос.

– Дмитрий Леонидович, как у вас дела? Здравствуйте, ребята!

Выглядывавшая из открытого окна второго этажа Диана старательно прятала тревогу за улыбкой. За ее плечом маячил Лео, вполголоса уговаривая жену не позорить сына. Она всегда называла Диму по имени-отчеству, когда хотела отчитать его или ей немедленно требовался ответ. А еще Диана поблагодарила Бога за то, что ей хватило ума говорить на норвежском.

– Все прекрасно, Диана Владимировна! Просто великолепно! – с нажимом крикнул Дима, давая понять, что все, черт возьми, еще как плохо.

– Добрый день, фру Хегай! – поздоровалась Дэгни, а Арне замахал рукой, а потом и лапками Тора, которого так и не выпустил из рук. – Мы хотим показать Диме Лиллехейм. Можно?

Неожиданный вопрос выбил Диану из метафорического седла, и за нее ответил Лео:

– Конечно можно, ребята! Главное, верните его назад в той же комплектации, договорились?

Арне чуть не лопнул от смеха. Он наконец дал Тору волю и, положив правую руку на сердце, пообещал:

– Заметано, герр Хегай!

– Отлично. Дим, пальцы есть, так что телефон в случае чего нащупаешь.

– Да! Спасибо, пап!

– Наслаждайся.

Вид побагровевшей матери опять навел Диму на мысли об ошейнике, но ее быстро увел Лео, и на том вмешательство родителей, к облегчению мальчика, закончилось.

– Ну что, поехали? – Арне запрыгнул на свой велосипед, убрал подножку и постучал передним колесом по асфальту, показывая нетерпение.

– Или струсил? – с приторной улыбкой поинтересовалась Дэгни. Она тоже приготовилась мчаться неизвестно куда.

– Ничего я не струсил. – Дима фыркнул, ощущая легкий приток адреналина, от которого вспотели ладони. Кататься на велосипеде в неизвестном городке, да еще в другой стране, – это даже звучало безумно. – А куда поедем?

Арне с прищуром огляделся по сторонам, будто намеревался выдать страшную государственную тайну, за разглашение которой могли бросить в самую суровую тюрьму, где выжидали только крысы.

– К Шакальнику, – шепнул он.

Внезапный холод наполнил грудь Димы. Неосязаемое предчувствие надвигающейся бури стерло улыбку с его лица.

– К тому самому? Который, ну, пролежал бог весть сколько под завалами в шахте?

– О, а ты слышан. Он у себя на заднем дворе такое делает... такое...

– Какое? – с придыханием спросил Дима.

– Какое Дэгни никогда не сможет! – Арне расхохотался, довольный удачной шуткой.

– Он просто debil, – пояснила Дэгни обескураженному Диме, имея в виду Арне. – Так что, поедем? Шакальник и правда очень странный и жуткий.

Словно одобряя страшное веселье, которое всех ждет, Тор разразился лаем, пытаясь поймать собственный хвост. Но завивавшийся кольцом хвост мог цапнуть только элкхаунд с шеей жирафа.

Сообразив, что от него все еще ждут ответа, Дима кивнул. И постарался, чтобы движение головой вышло уверенным. И плевать, что подбородок дергался так, будто в челюсти не хватало шестеренок. Арне и Дэгни это вполне устроило.

Взобравшись на велосипеды, они покатали вниз по улице.

Осмотр дома

Не отдавая себе отчета в том, что наслаждается запахами мастики, пропитавшими коттедж, Диана, словно воришка, выглядывала в окно. Сын, с сияющей улыбкой и хохотом, покатил за новыми знакомыми. Недоверие внушало абсолютно все – даже собачка, показавшаяся бы в любое другое время милой.

– Хочешь, чтобы он тебя возненавидел? – спросил Лео.

Груженный двумя сумками, он заглянул в спальню, в которой им предстояло спать ближайšie недели.

– Что? Ради Бога, нет! Конечно же, нет! – Диана взяла себя в руки и отошла от окна. – Где Эрик?

– Возится с замком в Димкину комнату.

Они вышли в коридор. Ковровое покрытие заглушило их шаги, и Эрик, орудовавший отверткой у белой двери, вздрогнул. Затем улыбнулся и бросил инструмент в чемоданчик, который заблаговременно занес в дом.

– Я знаком с Эджилом, отцом Арне, того паренька с серым элкхаундом. Они живут неподалеку, на Трольфарет. Эджил рыбачит, а Сигни, его жена, держит пекарню, о которой упоминал Кристофер. Если хотите, я могу показать, где их дом, как только закончим. – Он еще раз взглянул на подкрученный замок. – Здесь живут хорошие люди. Как бы инспектор ни нахваливал Лиллехейм, он не врал. По крайней мере, у меня сложилось именно такое впечатление.

Они спустились на первый этаж и остановились на открытой кухне у обеденного стола, блестящего свеженанесенным лаком. Сумки, сброшенные у двери, напоминали последствие сошедшей багажной лавины.

– Давно здесь живешь? – поинтересовался Лео у Эрика.

– С ноября прошлого года, как ввели в эксплуатацию «Химмелфангер». Приличный срок, чтобы возненавидеть морепродукты и признаться в любви к быстрорастворимой лапше. – Метеоролог открыл дверь в подвал, включил свет и первым зашагал по лестнице. – Давайте пройдемся по всему еще раз. Здесь газовый котел отопления. Инструкции, номера телефонов – все здесь же. Холодно – добавили, жарко – уменьшили.

– Принято.

– Иногда сюда будут забираться крысы, так что все кожаное держите наверху.

– Крысы? – Голос Дианы истончился, словно она предприняла неудачную попытку мимикрии под голохвостого паразита.

– Значит, заведем крысобоя – крысу-каннибала, – произнес Лео с мечтательным видом.

– Только попробуй – и спать будешь с ней в одной клетке!

– Крысобою? – с интересом спросил Эрик.

– Городская легенда, – отмахнулся Лео, оглядывая просторный подвал, в который вполне можно было впихнуть пару-тройку бильярдных столов. – Дюжину грызунов запирали в железном ящике и ждали, пока останется только один – самый злобный и голодный. Такая крыса могла питаться только плотью соплеменников. Она и становилась крысобою – каннибалом, охотившимся на себе подобных.

Лицо Эрика залила бледнота, отчего его рыжая борода напомнила неестественную ухоженную кочку.

– Надеюсь, до этого не дойдет. – Он откашлялся, и на его щеки вернулся румянец. – В общем, в подвал без необходимости лучше не соваться. Режим котла выставлен с учетом дневной и ночной температуры, так что проблем возникнуть не должно.

Вернувшись на первый этаж коттеджа, все испытали облегчение. Упоминание злобной крысы-каннибала, рыскавшей в полумраке, чтобы отыскать и сожрать слабых сородичей, кого угодно могло насторожить. Кто поручится, что следующим этапом после каннибализма не станет людоедство?

– Подытожим. Первый этаж – кухня-столовая, гостиная, санузел, две спальни и выход в гараж. На втором – три спальни, еще один санузел и свободное помещение, которое вполне можно использовать в качестве кабинета.

Лео кивнул. Он уже представлял, как засядет за новый роман в новом месте. Если, конечно, белая страница опять не начнет слепить его, лишая пальцы уверенности, а разум – всех слов.

– А что на чердаке? – Диана против воли задрала голову, будто могла узреть темноту под крышей сквозь межэтажные перекрытия.

– О, чердак. – Эрик смутился. – Там свалены вещи предыдущего владельца коттеджа, не востребованные его родственниками.

Лео и Диана с любопытством уставились на него, ожидая продолжения, и метеоролог сдался.

– Это лучший дом из свободных в Лиллехейме. Он принадлежал Магне Хеллану, директору угольной шахты «Гунфьель». Дом, как видите, просторный, уютный и светлый.

– Эрик, мы его не покупаем, так что зря не распинайся, – заметил Лео. – Что стало с этим Магне Хелланом, раз его обитель так никто и не занял?

– Он пропал без вести. Вместе... ну...

– Ну, договаривай.

– Вместе со своей семьей – женой и сыном.

– О Боже! – Диана прикрыла рот ладонью. – И ты решил поселить нас именно сюда?!

– Я ничего не решал! Вам отдали самый невостребованный дом! И он же – самый лучший!

– Этого следовало ожидать. – Диана, продолжая держать руку у рта, нервно зашагала взад-вперед. – Этого, черт возьми, следовало ожидать! И это, по-вашему, тихое и спокойное место?! Где Димка?!

– Тише, малышка, тише. Успокойся. – Лео впери в смутившегося Эрика взгляд, под завязку запроваженный укором. – Нам стоит обо всем этом беспокоиться?

– Нет.

– Громче, будь добр.

– Господи, нет! Лиллехейм – самое мирное место, что мне доводилось видеть! Что я могу сделать? Хотите переехать ко мне? Я занял ближайший к «Химмелфангеру» дом. Один этаж, гараж, разохшееся крыльцо, под которое я периодически роняю чертовы сигареты.

Упоминание метеостанции отрезвило Диану. В конце концов она здесь в служебной командировке. Если что-то пойдет не так, Лео и Дима всегда смогут вернуться в Россию, а она переберется в какой-нибудь закуток Лиллехейма, где не будет пропавших семей и крысканнибалов, размышляющих, не стать ли им людоедами.

– График дежурств на «Химмелфангере» уже составлен? – поинтересовалась она невыразительным голосом.

– Сместим его, как только ты выберешь дату своего первого суточного дежурства, – с готовностью отозвался Эрик. Он уже отошел к парадной двери и теперь мялся, ища предлог, чтобы уйти. – Кстати, на Шаферс тоже есть где перекусить, если проголодались с дороги. Кафе «Мохнесс». Хелен будет рада вас видеть.

– Хорошо, Эрик, спасибо.

– Тогда до завтра?

– Да.

Распахнув дверь, Эрик с выдохом признался:

– Я узнал об истории дома, когда предупредить о ней было уже слишком поздно.

Лео кивнул ему, и метеоролог вышел. Снаружи донесся шум заработавшего движка, и синяя шкода вырулила на дорогу, чихнув напоследок из глушителя черным облачком.

– Я была готова его прибить, – произнесла Диана.

– И это отличная мысль! – Лео бросился вверх по лестнице.

– Что? Ты куда? Не хочешь покипеть со мной на пару?

Но Лео ее уже не слышал. Он ворвался в их будущую спальню, отыскал сумку с ноутбуком, которой уделял повышенное внимание, и, схватив ее, помчался в кабинет. Просторная комната, выходящая единственным окном на дорогу и коттеджи Гренсен, так и просилась стать утробой, в которой начнет зреть настоящий литературный шедевр.

«Асус» включился без промедлений, будто ощущая нетерпение владельца. Расположив ноутбук на письменном столе из красного дерева, Лео подтянул под задницу стул. Провел руками по гладкой, лакированной поверхности стола. Вот уж непростительная роскошь. Пальцы нависли над клавиатурой – и остались висеть в воздухе.

В кабинет вошла расстроенная Диана.

– Мне нужна ласка, – с порога заявила она, зная, что только этим можно растормошить мужа.

Лео поджал губы и медленно закрыл ноутбук. Повернулся к жене, покрасневшей от желания и злости.

– Сделаем это на сумках?

– И не рассчитывай: здесь есть кровать.

Перебравшись в спальню, они скинули с кровати пластиковый чехол и упали на голый матрас.

По пути

Катить по Лиллехейму на велосипеде оказалось чертовски приятно. Хотелось хохотать и подпрыгивать в седле, но Дима держал странную радость в узде, опасаясь насмешек.

Нечто подобное происходило и с Арне. Он ехал чуть впереди по велосипедной дорожке и то и дело привставал на педалях, отчего его волосы, казалось, вспыхивали на солнце. Иногда Арне заезжал на тротуар, пытаясь распугать пешеходов, но его выходы лишь вызвали улыбки. Дэгни замыкала их колонну и громко извинялась за сумасшедшие повороты их лидера. Бежавший рядом Тор брызгал слюной и лаял на пролетавших чаек.

Дима вдруг понял, что в Лиллехейме не так много детей, раз им позволяли своевольничать на дороге. К счастью, машин встречалось немного. В основном это были грузовички, тащившие улов трески. Иной раз проскакивал какой-нибудь седан. И все водилы относились к ним как к стихийному бедствию: потерпи, и шторм воплей отправится дальше, валить чужие заборы.

– Эй, эй! Куда намылились?

Кричал плотный краснолицый мальчишка, развалившийся на скамейке у парикмахерской под названием «У Херста». Лицо его напоминало лежащий прямоугольник, в боку которого сделали широкий разрез, чтобы напихать туда множество зубов. Горчичного цвета ботинки, линялые джинсы и футболка с рекламой боулинг-клуба: «ПУТЬ ВИКИНГА – ПУТЬ ШАРА». У скамейки валялись два велосипеда – зеленый и зеленый, который не очень-то аккуратно попытались перекрасить в синий.

Завидев крикуна, Арне хохотнул.

– Да вот хотим твою старую галошу ограбить! – проорал он и направил колонну к скамейке.

– Только не пугайся, когда увидишь Андéша, – шепотом предупредила Дэгни, когда они подъехали.

– А кто это? – Дима следил за Тором, и дружелюбные действия лайки успокоили его. Элксаунд принялся скакать чуть ли не на задних лапах перед краснолицым мальчишкой.

– Его старший брат.

– Знакомьтесь-знакомьтесь! – прокричал Арне, слезая с велосипеда. – Дима Хегай, такой крутой, что его выперли из собственной страны! И Франк Нурдли, такой спелый, что его по утрам мажут на хлеб!

Дэгни прыснула со смеху, а Дима со смущенной улыбкой протянул руку. Однако рукопожатия не дождался: Франк налетел на Арне и принялся наминать ему бока. Впрочем, все это

происходило под хохот обоих парнишек. Наконец Франк выпустил стенавшего от смеха Арне и дал Диме громкую «пятюню», от которой заныла ладонь.

– Ты прямо ходячая новость, Дим, – заявил Франк. – Наша Полицайка уже всем уши прожужжала: «Приедут чертовы русские, так что ведите себя прилично!»

– «Не хулиганьте!» – подпела Дэгни.

– «Не поминайте чужую страну всуе!» – поддакнул Арне.

– «И не ковыряйте в носу!» – на удивление синхронно выкрикнули они, и все трое всунули по указательному пальцу себе в нос, после чего расхохотались.

Дима и без пояснений понял, что речь шла о Кристофере, который поприветствовал их у дома вместе с Эриком. Он тоже рассмеялся и всунул палец в нос, чем заслужил всеобщее одобрение.

– А вы куда, кстати? – спросил Франк.

Арне сделал хитрое лицо:

– К Шакальнику.

– Ого! Чур, я с вами.

– Ладно. Бросим тебя ему под ноги, если он за нами побежит.

– Скорее рельсы вместо сигарет курить начнут, чем ты меня обгонишь.

Дверь парикмахерской скрипнула, и на улицу вышел парень самого жуткого вида.

Дима против воли уставился на широкий лоб, похожий на шлепок желтоватой глины, на которую нахлобучили кривой парик с вполне современной стрижкой. Ото лба вокруг головы шли шрамы, похожие на белые бесплодные грядки. Возраст парня явно приближался к семнадцати годам, но разума в его рассеянном взгляде не набралось бы и для шестилетнего. Одет он был почти так же, как Франк, за той лишь разницей, что его футболка оповещала о графике работы того же боулинг-клуба «Папа Шар».

– Это и есть Андеш, – произнесла Дэгни с неясной тоской.

– Хорошая стрижка. – Говорил парень так, словно проталкивал наружу не слова, а мельничные жернова. Выглядел он при этом как шахматный гроссмейстер, решающий сложнейшую задачу на клетчатом поле.

– Что, уже растрепали? – Франк с обидой посмотрел на Арне и Дэгни.

– Ничего мы не трепали! – огрызнулся Арне и отвернулся.

Франк растерялся и вперился в Диму:

– Да, это мой старший брательник. Ему почти семнадцать, но в уме он остался пятилетней, потому что наш папаша как-то зажал ему голову входной дверью. И держал так до тех пор, пока Андешу все мозги не застудило.

– Андеш, – подтвердил тот.

– Охренеть, – пробормотал Дима.

Подобная жестокость, особенно со стороны взрослых, была для него чем-то необъяснимым и диким, как внезапное вторжение марсиан.

Такая реакция понравилась Франку, и он воспрял духом, но продолжить не успел. В рассказ вклинился Арне:

– Франку тогда было три года, Андешу – пять. Чем они папане не угодили – загадка. Может, тем, что остались, тогда как мамаша померла. В общем, батю прописали в лучшей психушке Норвегии, а ребята отошли на попечительство старой галоши Анне-Лисе.

– Заткнись! – вскипел Франк.

Они опять сцепились, мутузя друг друга. На этот раз ни один не смеялся. Каждый защищал свое право рассказа. Андеш издал нечленораздельный звук и разнял драчунов. Франк при этом получил затрещину.

– Дружба! – прогудел Андеш.

– Да дружба, дружба! – отмахнулся Арне, подходя к своему велосипеду.

– Зато мы теперь носим футболки за купоны бесплатной игры! – вдруг похвастался Франк. – Как-нибудь сыграем, Дим.

– Конечно.

– Вот с такими петухами я вожусь, – заявила Дэгни, будто себе под нос. – Мы к Шакальнику едем или нет?

– Спрашиваешь! – фыркнул Арне. – Надо бы только Тора домой забросить, а то Шакальник нас за километр услышит.

– Так пускай Андеш и забросит, – предложил Франк. – А что? Тор – умный, Андеш – двуногий. Вместе как-нибудь доберутся.

– Решено! – Арне присел перед элкхаундом, и тот тоненько заскулил, ожидая команды. – Побежишь за Андешем, понял? Покажешь ему, где живешь, а потом останешься дома, ясно?

Тор гавкнул, и Арне просиял. Франк сел на велосипед, ни слова не сказав брату.

– А разве Андешу не нужно что-нибудь пояснить? – спросил Дима, чувствуя ужасную неловкость. Он понятия не имел, как общаться с людьми, имевшими определенные проблемы с развитием. – Ну, там, как добраться и куда ехать.

– Андеш умный, – заверил его парень.

Смешно шаркая ногами, он поднял велосипед и не спеша повел его в руках. Элкхаунд сейчас же засеменил рядом, заглядывая в напряженное лицо сопровождающего.

– Вот видишь? – Франк выглядел довольным, хоть и слегка встревоженным.

– Без тормозов! – вдруг взревел Арне и первым помчался вниз по Гренсен.

Дэгни и Франк заорали, что так нечестно, и припустили следом. Едва не запутавшись в ногах, Дима принялся усиленно крутить педали, пытаясь их догнать. В голове мелькнула беспокойная мысль: как выглядит Шакальник и чем он так примечателен, что заслужил внимание этой стайки ребят?

Ответы лежали где-то на Пил-стрит.

Обычные дела

Микаэль Скоглунн отвернулся от окна и около десяти секунд ничего не мог разглядеть. Бухта Мельген, отражая солнце, слепила так, что хотелось вырвать собственные глаза и запрягать их в сливной бачок.

Наконец зеленовато-желтые пятна отступили, и Микаэль обозрел собственное жилище.

Порванный линолеум кухни покрывала стружка. Тут и там валялись березовые чурки. Казалось, кто-то натащил дров, чтобы набить ими электрический камин в гостиной. Полки, стулья и шкафчики занимали фигурки волков. Микаэль делал их из блокнотной бумаги, вил из медной проволоки и вырезал из древесины. Большая часть зверей из обработанной березы имела разбухшие молочные железы.

Бросив на разделочную доску две таблетки обезболивающего, Микаэль растер их в порошок стаканом, после чего ссыпал в емкость и залил пивом. Лекарство поднялось отвратительными комками. Заглотив порцию получившейся дряни, Микаэль заулыбался.

– Сегодня, сегодня, я знаю, ты придешь сегодня, – пропел он с улыбкой. Смесь алкоголя и обезболивающего ошпарила его нервные окончания. – Под луной, под бледной луной мы займемся любовью. А потом твой поцелуй осчастливит меня, крошка.

Выбрав березовый обрубок постройнее, Микаэль взял нож для резьбы по дереву и вышел на задний двор. Прохладный ветер северного лета обжег его оголенную грудь. Но приступить к обработке древесины Микаэль не успел. Руки его затряслись, едва он ощутил близость каменной волчицы. Обрубок и нож отправились на пластиковый столик, где с ночи валялась пустая бутылка из-под виски.

Микаэля ждала она. Под навесом из синего брезента темнел рукотворный алтарь, украшенный пятью лучшими фигурками волков. В центре деревянной стаи, на грубом подносе из мутно-красного берилла, покоился вытянутый кусок породы – кристаллический сланец с вкраплениями прозрачной зеленой слюды. В изваянии, высота которого не превышала полуметра, проглядывали черты хищника.

Грохнувшись перед алтарем на колени, Микаэль возложил левую руку на каменную волчицу.

– Моя крошка... Моя серая невеста...

В гостях у Шакальника

– Этот Шакальник – настоящий псих! – заявил Арне, когда они свернули на Пил-стрит и впереди открылась светящаяся капля бухты Мельген. – Он постоянно делает то ли собак, то ли волков, то ли шакалов. Даже сам не замечает этого! Приходит, бывало, к моей маме в «Золотую челку», покупает хлеб и тут же начинает лепить из него чудище. На него тарашатся, а он знай себе ваяет зверушку. Говорю же, псих!

– Потому что у вас хлеб из рыбной муки пекут! – крикнула Дэгни и ловко объехала даму с собачкой.

– А вот и нет! А вот и нет! Зато, как я слышал, в «Мохнесе» плюют в кофе всем, у кого не голубые глаза!

Все, не сговариваясь, сбавили скорость и посмотрели на Диму, словно проверяя, плюнут ли ему в кофе с его серыми глазами.

– Что? – Пристальное внимание Диме совершенно не нравилось, и он на всякий случай решил, что нигде в Лиллехейме не возьмет в рот и капли кофе. – А чего вы так собачитесь? Разве не все равно, что и как делают в единственных забегаловках?

Слово «забегаловки» задело Арне и Дэгни. Они отвернулись в разные стороны.

– Мама Арне владеет пекарней, а мама Дэгни – кафе «Мохнесс», – с охотой пояснил Франк. – И смешно ведь: их родительницы дружат, а они – в задницу друг дружку кусают.

– Может, у них любовь? – предположил Дима.

Франк хохотнул, а Арне изобразил рвотный позыв.

– А почему нет? – осведомилась Дэгни с вредной улыбкой. – Девочек в Лиллехейме не так уж и много.

– Потому что самих детей мало, тупица ты с косичками!

Дэгни переменялась в лице и направила велосипед в сторону Арне. Тот с испугом принялся поспешно тормозить. А потом на глазах изумленного Димы девочка вышибла собой обидчика из седла. Они грохнулись на тротуар и перекатились на газон. Дэгни вцепилась обеими руками в уши Арне, и тот тоненько заверещал, не прекращая при этом смеяться.

– Кто тупица с косичками? – спросила Дэгни, продолжая накручивать мальчишеские уши.

– Я! Я! Ой!

– И где эти косички?

– У тебя в руках! Ай, ну, отпусти уже!

Дима спрыгнул с велосипеда, не зная, вмешаться ему или нет. Судя по всему, эти трое частенько колотили друг друга, оставаясь при этом, как ни странно, друзьями.

– Народ, мы приехали, – оповестил всех Франк. Он тоже слез с велосипеда и, бросив его, показал куда-то вперед.

В конце Пил-стрит виднелся галечный пляж с видом на бухту Мельген. Вправо уходила улица Олвейн, представлявшая собой растянутое лицо городка, если смотреть на него со стороны моря. Но Франк показывал на последние коттеджи Пил-стрит, расположенные слева. Последний и третий с конца явно пустовали. Об этом говорили полусгнившие ступени веранд и размеченные собачьим дерьмом газоны.

Предпоследний дом выглядел еще хуже. Только здесь причиной удручающего вида послужила рука хозяина. Перила крыльца оказались разобраны и обточены, будто кто-то пытался из них что-то вырезать. Окна, выходящие на улицу, были заколочены, причем, к немалому удивлению Димы, изнутри. На стенах просматривались многочисленные царапины, сделанные отверткой или похожим инструментом.

– Говорят, Шакальник так всех достал, что шахтеры, выходя из забоя, бросили его и сами все обвалили, – произнес Франк, не сводя взгляда с жуткого дома. – А он умудрился продержаться под завалом двое суток, пока его не откопали.

– Скажешь тоже. – Дэгни слезла с Арне и встала рядом с Франком и Димой. – Шахтеры своих не бросают.

– Я тоже так думаю, – согласился Дима. Идти в логово к тому, кого называли Шакальником, совсем не хотелось.

Арне вскочил и первым подкрался к коттеджу шахтера. Между участками домов Лиллехейма оставалось достаточно места, чтобы могла проехать машина, и мальчик скользнул в открывшийся проход. Помахал рукой, маня остальных.

Когда все собрались, Арне прошептал:

– А я слышал, что он специально не поднялся со всеми на поверхность. Вместо этого Шакальник затаился в темноте, дождался, когда все уйдут, а потом принялся долбить одну из крепей. И бил, пока ему «Гунфель» на башку не упал.

Это показалось правдоподобным, и всем без исключения стало не по себе. Даже Арне. Он на полусогнутых ногах прошел влево на три метра и показал на дыру в заборе, она была размером с ладонь. Смотровое отверстие располагалось на уровне пояса, и всем пришлось опуститься на колени.

Дима заглянул и разинул рот. Шакальник был одним из самых отталкивающих людей, которых доводилось видеть мальчику. Высокий и худой, с пожелтевшей кожей. В отвисших серых штанах и расшнурованных ботинках, с оголенным торсом. Лицо вытянутое, чем-то похожее на лошадиное. Шакальник что-то напевал себе под нос и вырезал какую-то фигурку из дерева. Слева, под синим навесом, поблескивало каменное изваяние, скрытое тенью.

– Он тут такое в прошлый раз творил! – с жаром прошептал Арне.

– Что? Что он творил? – Франк вытаращил глаза. Последнее ребячество их компашки он пропустил: пришлось везти Андеша в Мушээн на ежегодное врачебное обследование.

– Всякое. – Арне многозначительно хмыкнул. – Спроси у Дэгни. Ее чуть не вырвало.

Дэгни покраснела и схватила Арне за не успевшее остыть ухо.

– А хочешь – меня вытошнит в эту мисочку, а?

– Не вздумай!

– А... куда он делся? – спросил Дима. Он отвлекся на перепалку новых приятелей и потому упустил из виду, куда исчез Шакальник.

– В дом зашел, – подсказал Франк.

– Что-то мне так не кажется. Дверь не хлопнула.

Все опять сгрудились у смотрового отверстия, и в этот момент их накрыла чья-то тень.

– Петтерсон, Нурдли, Андерсен и новичок, – раздался скрипучий голос над их головами. – И что же вы здесь позабыли, свинки?

Ребята вздрогнули. Над ними нависал Шакальник собственной персоной. Франк взвизгнул и попытался отскочить, но шахтер проворно схватил его за футболку, которая сейчас же затрещала по швам. Дима встретился с пристальным взглядом будто обесцвеченных синих глаз и понял, что не может двинуться с места от страха. Шакальник с ухмылкой схватил его за шкуру и встряхнул.

– Как твоя фамилия, сопля, чтобы я мог найти твоих родителей и рассказать им, какое дерьмо они испекли в кровати?

Дима потерял дар речи от неожиданности. Вяло трепыхавшийся Франк только усиливал чувство беспомощности.

– Пусти их, кретин!

Бросившаяся было наутек Дэгни вернулась и, взмахнув ногой, ударила Шакальника чуть ниже колена. Пинок такой силы заставил бы любого грохнуться на землю и начать вопить. Однако на лице шахтера лишь возникла и исчезла отсутствующая улыбка, точно родился и умер воздушный замок, возведенный из облаков обезболивающего.

– Бешамель – поезд радости! Ту-ту! – раздался еще один вопль.

Это Арне, успевший добежать до велосипедов, влетал в проулок на своем двухколесном агрегате на полной скорости, намереваясь сбить Шакальника. Тот неожиданно выпустил Франка и Диму и расхохотался, поднимая руки.

– Хотите посмотреть мою крошку поближе? – неожиданно предложил он.

Арне резко ударил по тормозам, едва не растянувшись вместе с велосипедом в проулке.

– Чего?

– Вас за это могут посадить, – произнесла Дэгни хриплым голосом, отступая к выходу на улицу вместе с перепуганными Димой и Франком.

– То, что я вынес из шахты, – хотите это увидеть?

Франк ахнул:

– Это то, что под синим навесом?

– Оно самое, мелюзга.

В голове у Димы вдруг все перемешалось. Перед мысленным взором предстало каменное изваяние, и он с поразительной ясностью осознал, что камень все это время следил за ним, тарасился на него, будто ожидая чего-то. Жуткое чувство.

– Покажите нам свою находку. – Дима сам не поверил тому, что сказал.

Дэгни и Арне посмотрели на него с восхищением, а Франк покачал головой. Ему эта идея казалась чертовски плохой. Шакальник хмыкнул и, махнув рукой, побрел к входу на участок. Его торчащие лопатки напоминали расколотые треугольники, обтянутые кожей, и Диму передернуло при мысли, что не все кости шахтера срослись правильно.

Дэгни прошла мимо Арне, ставившего велосипед на подножку, и с презрением бросила:

– Бешамель – это соус, идиот.

– А то я не знаю!

– Стопудово, не знаешь, – поддакнул Франк, и Дима заулыбался.

Они обогнули коттедж Шакальника, прошли на задний двор и как один усталились на рукотворный алтарь под синим брезентовым навесом. Кристаллически-сланцевая волчица казалась творением безумного скульптора. Дима ощутил, как тяжело забухало сердце. Волчица почему-то напоминала ему женщину. Хищную и властную.

– Выпьете? – буркнул Шакальник.

Никто не ответил. Они иногда развлекались тем, что подглядывали за местным психом, но еще никогда не видели причину его безумств так близко.

– Кто это? – спросил Арне, пораженный не меньше остальных.

– Сифграй, дочь Фенрира, она же – серая невеста.

– Серая невеста? – Дэгни поморщилась. Ее пугал задний двор Шакальника, особенно каменное изваяние, тарасившееся на них зелеными глазами-слюдой. – Ну, серой она не выглядит, это точно.

– Фенрир? – Франк задумался. – Тот волк, что пожрет богов и весь мир?

– Господи, ну ты и зубрила, – скривился Арне.

Наблюдая за тем, как новенький благоговейным шагом направляется к фигурке Сифграй, Шакальник взял с пластикового столика нож, которым так и не успел обезобразить очередную березовую чурку.

– Треклятые легенды умалчивают об этом, но у Фенрира была дочь – Сифграй. Ужасный Волк пообещал ей супруга из людей. Поэтому она обращает мужчин и женщин в себе подобных. Из первых ищет обещанного отцом супруга, а из вторых делает самок на усладу стае. Людские дети идут им на прокорм.

– А почему она не в доме? – спросил Дима. – Зачем оставлять ее на свежем воздухе?

– Сифграй нельзя находиться в людском жилище. Так она не слышит свою стаю.

Дэгни хотела что-то спросить, но вопрос начисто стерся из ее головы, когда она обнаружила, что Шакальник, встав сзади, начал водить лезвием ножа по ее косам. Арне обернулся к ним, и его глаза расширились.

– Отпусти ее, недоумок, или крупно пожалеешь!

Догадавшись, что они вот-вот станут жертвами спятившего шахтера, Франк затрясся и потянулся за телефоном. Но пальцы, как назло, покрыла пленка пота, и сканер биометрических данных никак не мог «прочитать» отпечаток.

Шакальник, казалось, не замечал ни своих пугающих действий, ни страха, охватившего подростков.

– Может быть, меня недостаточно? Может быть, серой крошке нужна другая жидкость... иного цвета?..

Диме доводилось совершать ненужные и опасные поступки вроде прыжков через турникеты метро или катания на трамвайной сцепке на спор, но еще ни разу он так четко не осознавал важность собственных действий. Казалось, уродливая статуэтка Сифграй сама прыгнула ему в руки. Он поднял ее над головой и шарахнул о тяжеленный поднос из мутно-красного берилла.

Кристаллический сланец треснул – и волчица со звоном лопнула.

Один из осколков полоснул Диму по руке.

– Что ты натворил, маленький ублюдок?! – заорал Шакальник.

– Предложил серой невесте стать моей женой! Понял?! Выкуси!

Выходка Димы вывела всю компашку из ступора. Дэгни сейчас же рванула прочь со двора. Франк и Арне с хохотом устремились следом. Дима немного помедлил, ожидая ответной реакции Шакальника, но тот уже потерял интерес к склочным гостям. Пожилой шахтер со слезами на глазах пытался собрать осколки в одну кучу.

– Моя крошка... Не плачь, мы еще потанцуем под бледной луной... Мы еще... мы...

Оказавшись у велосипедов, все выдохнули и, не сговариваясь, покатали прочь от дома полоумного Шакальника.

– Господи, думал, кучу в штаны навалю! – проорал Арне, захлебываясь от восторга.

– А я! Я так вообще представил, как старая галоша Анне-Лисе по мне слезы льет! – крикнул Франк и расхохотался.

– Ага, все-таки и ты ее так называешь! Дима, а ты молодец – с яйцами!

– У нас в роду все такие. И женщины тоже.

Слова Димы вызвали всеобщий взрыв смеха. Солнце светило ярко. Позади билось море, посылая на сушу прохладу. Умы подростков впитывали каждую мельчайшую деталь, которую дарило это северное лето.

– Погодите.

Все остановились и взглянули на Дэгни. Она толкнула свой велосипед Франку, после чего шагнула к Диме и крепко обняла его. Мальчик ощутил мягкие девичьи груди. Его лицо залила краска смущения.

– Спасибо.

– Вроде не за что.

– Скромняга, да?

Подчеркивая важность благодарности, Дэгни поцеловала Диму в щеку, отчего едва заметный пушок у его губ еще ярче выделился на фоне пожара румянца. Франк и Арне глупо рассмеялись.

– Тили-тили тесто! – противным голоском пропел Арне.

Рот Франка захлопнулся, а сам он резко посерьезнел.

– Мы про это расскажем?

– Расскажем? – переспросил Арне. – Чтобы нам вообще запретили на улицу выходить? Шкальник и сам молчать будет, если не хочет у Полицайки в камере гнить.

Дэгни, Франк и Арне посмотрели на Диму. Они словно предлагали решить, каким дальше будет его август: с нескончаемой родительской опекой или с ревом бухты Мельген, брызгами и приключениями. Ничего лучше не придумав, он протянул руку тыльной стороной ладони вверх.

Франк первым накрыл его руку своей, затем то же самое сделали Дэгни и Арне.

– Пусть это лето пройдет без надзора! – провозгласил Дима, вызвав всеобщий рев восторга.

Ему и в голову не пришло, что он вскоре сильно пожалеет об этих словах.

Добро пожаловать на танцпол, детка

– Святотатство, святотатство, святотатство, – раз за разом повторял Микаэль.

Совершенное на его глазах кошунство лишило его остатков рассудка. Он не мог поверить, что все впустую; что часы, проведенные в плену у камня, ничего не стоили. Микаэль знал о сплетнях, которые ходили по Лиллехейму. Говорили, что он псих, идиот, недоумок, свихнувшийся на волках. И что с того?

– Да что они знают, Сифграй? – всхлипнул Микаэль. Он лег на осколки статуэтки, будто на растолченную гранитную подушку. Действие таблеток не давало боли достигаться до отупевших нервных окончаний. – Что они понимают, милая?

Ему почудилось, что камни под щекой вздохнули, и он хихикнул. Раскинул руки и нагреб себе под голову все, до чего мог дотянуться, включая дворовый мусор. Почти так же четыре года назад он распластался в «Гунфьеле». Образы, всплывшие из колодца памяти, до сих пор сверкали, потому что это было знакомство с Сифграй.

Он и братья Бротен как раз закончили возиться с проходческим комбайном, конструкция которого позволяла агрессивно врезаться в горную породу. Комбайн отключили и подготовили к завтрашней разборке с последующим подъемом на поверхность. Тогда-то он и услышал свою крошку. Она скулила и царапалась где-то в толще камня.

Микаэль рванул на звук. Туре и Айнар не пошли за ним. Их напугала одержимость, с которой он помчался в законсервированный западный штрек, разработку которого прекратили еще три месяца назад. И братья Бротен не прогадали, сохранив тем самым свои шкуры целыми.

Тоскливый вой доносился из пласта кристаллического сланца. Микаэля охватила сладкая дрожь. В камне билась живая женщина! Он принялся молотить кайлом по сланцу. Удар. Еще удар. А потом его руки сами всунули в пробитую выемку баллон технического кислорода, использовавшегося для сварки. Безумие? Только не для него.

Последующий удар стал последним.

Машинное масло у клапана дало необходимую искру, и все потонуло в яркой вспышке. Но даже тогда, находясь в полубредовом состоянии, под грохот оседавшей породы, Микаэль успел обнять кусок кристаллического сланца, напоминавший формами волчицу.

Его завалило с головой, передавив тело сразу в шести местах. Он словно оказался под траком застывшего бульдозера. Но все это было сущей ерундой: в его руках нежилась *она*. Когда его откопали, от прежнего Микаэля Скоглунна ничего не осталось. И никто не смог доказать, что обвал произошел по его вине.

Микаэль, давась слезами, поцеловал остатки сланца:

– Моя крошка... уничтожена. Как я без тебя? Буду загнивать на пиве и обезболивающем? Его ушей коснулся знакомый позабытый звук. Микаэль вскинул голову. Его тонкие губы скривились в улыбке неверия. Вой женщины-волчицы набирал силу. Мягкая рычащая вибрация шла ниоткуда и отовсюду разом.

– Сегодня, сегодня, я знаю, ты придешь сегодня. Под луной, под бледной луной мы займемся любовью, – пропел Микаэль полушепотом. – Этой ночью мы потанцуем, малышка. О да, добро пожаловать на танцпол, детка.

И он оскалился.

Явление бога метеорологии

Лео и Диана наслаждались прогулкой. Они двигались вниз по улице Гренсен, выискивая бакалейную лавку «Аркадия», о которой сообщил полицейский. Людей на улице было мало, и Диане то и дело на ум приходили мысли о катастрофе, оттянувшей население Лиллехейма к очагу бедствия. То чесалась шкура жителя мегаполиса, привыкшего ежедневно плыть по стремнинам толпы.

– Так мало машин и людей. – В голосе Дианы прозвучала не до конца оформившаяся жалоба.

– Весь август твой, мамуля. Только ты, тишина и телескопы, торчащие из горных склонов.

– Мне кажется, я хочу домой.

Лео пристально посмотрел на нее, потом взглянул на ясное небо, насыщавшееся синевой по мере приближения вечера.

– Летающих тарелок не видно. Дождь из лягушек пройдет только утром. Я смотрел прогноз погоды, так что верь мне, милая. Значит, причина только одна: ты боишься полюбить это место.

– А я смогу?

– С такой же легкостью, с какой обскакала меня на сегодняшних постельных соревнованиях с разгромным счетом.

Диана ахнула и зашипела, приложив указательный палец к губам. Лео кивнул ей с самым серьезным видом, и они рассмеялись, вполне довольные собой, друг другом и жизнью.

Вскоре показалась «Аркадия». Бакалейная лавка, представлявшая собой магазинчик с темно-коричневыми стенами и широкими витринами, находилась сразу за пошивочным ателье «Игла и ножницы», пользовавшимся у населения Лиллехейма не меньшей популярностью. Запахи внутри «Аркадии» не отличались от запахов любых других бакалейных магазинов мира, где торговали крупами, пищевыми концентратами, развесным кофе и такими нетребовательными к хранению овощами и фруктами, как морковь и яблоки.

Стоявшая за прилавком Ингри Орхус расплылась в широкой улыбке, отчего морщины у ее губ образовали четкое сердечко, в центре которого промелькнули сероватые искусственные зубы. Легкий свитер с обтрепанными рукавами, чуть засаленные джинсы, тугая коса бело-снежных волос, убегавшая к пояснице. Было видно, что Ингри, несмотря на свои шестьдесят с хвостиком, оставалась в хорошей физической форме, чему немало способствовало отсутствие в лавке других работников.

– Ингри Орхус, – представилась она и заняла за прилавком позу бармена, решившего выпытать у клиента всю подноготную. – Вы, должно быть, Леонид и Диана?

– А в Лиллехейме слухи расходятся быстро, не так ли? – усмехнулся Лео, и Диана дернула его за рукав ветровки.

– Мой сын не так болтлив, как может показаться, но от матери секретов не держит.

– А ваш сын? – спросила Диана.

– Кристофер. Тот полицейский, что встречал вас, милая. Пройдитесь, осмотритесь. «Аркадия» к вашим услугам.

– Да, спасибо.

Лео уже было собрался присоединиться к супруге, начавшей исследовать полки магазинчика, как Ингри поманила его пальцем. Бросив недоумевающий взгляд по сторонам, мужчина послушно подошел к прилавку. На витринное стекло, за которым виднелись различного рода зажигалки, батарейки и лампочки, выбивавшиеся из ассортимента бакалеи, шлепнулась потрепанная книженция.

«Песни малиновых глубин», 2019 года выпуска, впервые переведенные на английский язык еще в 2017-м. Автором романа ужасов значился не кто иной, как Леонид Хегай. В книге рассказывалось о человеке, к которому посреди ночи заявили неизвестные твари. И каждая поведала ему ужасную или трагическую историю. Впрочем, сам Лео не особо был доволен творением. Слишком уж раздутым и кровожадным оно казалось. Он поднял глаза на Ингри.

– Я бы узнала вас и без помощи сына. – Она трогательным жестом приложила книгу к груди. – Могу я получить ваш автограф?

– Конечно, само собой.

Авторучка, явно заготовленная для такого случая, возникла как по волшебству. Лео взял ее и склонился над разворотом книги.

– Э-э, на каком языке расписаться?

– На английском. Для аутентичности.

Лео пристроил поудобнее локоть, и на белом поле появилась ироничная надпись: «Вот они и встретились: мой корявый почерк и ваши прекрасные глаза». Далее – число и размашистый росчерк.

Ингри прочитала оставленное послание, и ее лицо породило еще одно сердечко из морщин.

– Никогда не сомневайтесь в себе и любите каждую свою работу, даже если она и кажется вам грязью на окне. Через это окно люди смотрят на мир, тогда как разводы замечаете только вы.

– Похоже, я выиграл куда больше от нашей встречи, – с удивлением ответил Лео. Наставление каким-то образом принесло успокоение, которого так не хватало.

– Похоже на то, герр Хегай.

Из-за стеллажа с крупами и макаронами выглянула Диана:

– Звонил Дима. Все в порядке. Он уже направляется домой.

– Вот видишь, – сказал Лео, – первый звонок на новом месте – маме.

– Ой, да брось. – Диана взяла корзинку для покупок и окинула взглядом полки.

– Не забудь кофе. – Лео повернулся к Ингри, любовавшейся автографом. – Скажите, у вас найдется что-нибудь от крыс?

– Мешают спать? – Ингри знала, что семейство Хегай еще не провело ни одной ночи на новом месте, но на подсознательном уровне искала возможность рассказать о своем ночном кошмаре. О страшных тварях, что выглядели как волки. Она бы даже сказала, что обмочилась, спроси у нее кто-нибудь, как она провела эту ночь. – Есть мумифицирующая отравка и живоловки. Что вам?

– Живоловки?

– Металлические клетки, оставляющие грызунов живыми.

– Живыми, – повторил Лео. Он задумался о подвале, что, по словам Эрика, притягивал грызунов, и о крысе-каннибале, в которую при желании можно было превратить самую обычную. – Пожалуй, мы возьмем две живоловки.

Пока Ингри доставала из подсобки заявленные клетки, к прилавку подошла Диана с полной корзиной продуктов. Лео заглянул в корзинку и удостоверился, что среди яблок, двух упаковок печенья с клюквой и белым шоколадом, макарон, спичек и моющего средства и прочего затесалась банка быстрорастворимого кофе.

– Я волнуюсь перед завтрашним визитом на метеостанцию, – внезапно призналась Диана.

– Да что с тобой? Перегорела?

– Просто не по себе. Будто... будто...

– Будто кто-то ходит по твоей могиле, а ты и понятия не имеешь, где это происходит и кто обладатель этих ледяных ножиц?

– Да, в точку! – Диана с благодарностью взглянула на улыбнувшегося мужа. – А тебе это нравится, не так ли?

– Ну еще бы.

На прилавок опустилась вторая металлическая клетка, а рядом с ней звякнула пол-литровая стеклянная бутылка с тягучей янтарной жидкостью.

– Персонально от меня. Хорошему автору для хорошего сна, – объяснила Ингри неожиданный презент и принялась подсчитывать общую стоимость покупок.

Лео схватил бутылку и, помахивая ею, поддразнил Диану. Но та не обратила внимания на ребячество мужа. Ее глаза, обычно серые с небольшой примесью зеленого, потемнели, став похожими на два глубоководных камешка, по которым скользили блики. Она неотрывно смотрела наружу. Лео проследил за ее взглядом и едва не выронил бутылку.

Коттеджи и проезжую часть Гренсен закрывали быстро бегущие тени. Полоска неба, просматриваемая над крышами домов и вершинами Подковы Хьёрикен, меркла, хотя не было и шести вечера. Прохожие с побледневшими лицами указывали куда-то вверх.

Диана бросилась из «Аркадии» на улицу. Не успела дверь за ее спиной захлопнуться, как она уже вскинула голову.

Над Лиллехеймом раскручивалось спиралевидное облако, напоминавшее многокилометровое светящееся лассо. Оно словно пыталось заполнить собой все воздушное пространство Подковы Хьёрикен.

– Господи, господа! – забормотала Диана. Она скользнула обратно в «Аркадию», подбежала к прилавку и принялась сгребать покупки в пакет. – Лео, господи боже мой, не стой столбом! Чертова аномалия не стала ждать, когда я уеду! Я должна срочно быть на «Химмелфангере»!

– Сколько с нас, дорогая Ингри? – спросил Лео, выдавливая улыбку, которой надеялся извиниться за поведение Дианы.

Ингри объявила сумму, и он, бормоча невнятные оправдания, расплатился. Пытаясь прикинуть, сколько бы это вышло в рублях, Лео поспешил за женой.

– Это все Ноготь Гарма! – крикнула вдогонку Ингри.

– Ноготь Гарма? Что это?

– Муссон, дующий летом с моря на сушу. Он приносит дурные сны.

– Я понял, спасибо!

– И заведите хотя бы собаку – она поможет от крыс!

Но Лео уже не услышал этого. Оказавшись на улице, он побежал следом за Дианой, то и дело с восторгом поглядывая на небо. Разворачивавшееся над головой представление требовало, чтобы его срочно занесли на бумагу.

Первый вечер

Лео проводил глазами удалявшийся фольксваген, за рулем которого Диана, бледная от лихорадочного волнения, направлялась к выезду из Лиллехейма. Ей не терпелось увидеть воочию данные приборов «Химмелфангера», особенно после звонка Эрика, сообщившего срывающимся голосом, что метеостанция «сходит с ума».

– И мы тоже сходим с ума, – в задумчивости произнес Лео.

Ему нравились подобные фразы: они хорошо продавали книги.

Он перехватил пакеты с продуктами поудобнее и зашагал по дорожке к коттеджу. Раздался скрип тормозов, и он повернул голову на звук.

– Привет, пап, – бросил Дима, сбрасывая ногу с педали велосипеда.

– Как дела, шеф? – отозвался Лео. – Поможешь?

– Конечно. Что купили?

– Так, приятные и сытные мелочи.

Заглянув в один из пакетов, Дима поморщился:

– С каких пор спички, яблоки и гель для мытья посуды – приятные и сытные мелочи?

– Ты не зришь в корень, шеф. У нас еще есть клетки для ловли крыс и картофельный самогон. Называется – аквавит. Как покатался?

Они подошли к входу, и Лео передал Диме ключи. Тот, немного повозившись, отпер дверь.

– Нормально покатался. И ребята хорошие, если ты это хотел узнать.

Дима не находил удовольствия во вранье, но это, на его взгляд, таковым и не считалось. Он просто умолчал о визите к Шакальнику и о том, что случилось дальше. Того требовала их беззвучная клятва, которую он про себя почему-то назвал Клятвой Северного Моря.

Они еще немного покатались по Лиллехейму, и на каждом углу им чудился сумасшедший шахтер с разломанными лопатками, торчащими из спины. Но окончательно все веселье заглохло, когда в небе появилась эта странная штука. Арне создал новый групповой чат, назвал его «Слюня Одина», после чего добавил туда их четверку. На том они и расстались, условившись выйти на связь вечером.

– А где мама?

– Отправилась на метеостанцию. Разберешь тут все? А мне надо кое-что записать.

Оставив сына раскладывать покупки, Лео захватил бутылку аквавита со стаканом и поднялся в кабинет. Ноутбук терпеливо дожидался, пока его включат, помаргивая оранжевым огоньком, означавшим «спящий режим».

– И излил он энергию воображения на их вытянувшиеся лица, – оповестил Лео незримую аудиторию и открыл пустую страницу.

Сперва он описал цвета странного облака, потом дал ему поэтическую характеристику разворачивающегося лассо и замер, осознав, что чертово облако его не так занимает, как история пропавшей семьи и крысы у них в подвале.

– Долбанный Эрик, – проворчал Лео, коря метеоролога за чересчур длинный язык.

Он плеснул немного аквавита в стакан и выпил. Удивился приятному яблочному аромату, хоть аквавит и делался из обыкновенного картофеля. Не иначе у старушки Ингри где-то стоял отменный самогонный аппарат. Приятная женщина.

Лео спустился, забрал клетки и отправился с ними в подвал. Наглухо закрыл три плоских окошка, в которые мог пролезть ребенок... или крыса размером с ребенка.

– Господи! – воскликнул Лео и рассмеялся, удивившись собственным мыслям.

Он тщательно осмотрел подвал и пришел к выводу, что крысы могли приходить только по шахте вентиляции. Ничего лучше не придумав, Лео поставил клетки в двух противоположных углах, у полок с хламом и у газового котла отопления. В каждой живоловке надломил специальную ампулу с ароматизатором. По подвалу разнесся запах бекона.

– Куда же ты делся, Магне Хеллан? – Лео еще раз огляделся. – Не крысы же утащили тебя и твою семью?

Его взгляд упал на бетонный пол, а мысленный взор проник еще глубже. Лео охватила необъяснимая уверенность в том, что директора шахты вместе с семьей закопали именно здесь, в подвале. Сперва перерезали вены, дали истечь кровью, потом опустили в вырытые могилы и залили жидким бетоном. И сейчас бедолага Магне Хеллан вместе с супругой и сыном таращатся на него, Лео, из своей рыхлой темницы под бетонной глазурью.

– Ты не псих, ты просто-напросто фантазер, – сказал себе Лео.

Он покинул подвал и плотно затворил за собой дверь. Только оказавшись в коридоре коттеджа, сообразил, что почти пулей вылетел на первый этаж. Взгляды воображаемых покойников все еще жгли спину.

Дима в этот момент находился у себя в комнате. Он без труда вычислил ее. Красноречивую подсказку дали его вещи: спортивная сумка и рюкзак, сложенные у кровати. Он слышал, как отец зачем-то спустился в подвал, а потом выскочил оттуда как ошпаренный. Вскоре по коридору разнесся стук клавиш. Видимо, отец нашел свое вдохновение, в чем бы оно ни заключалось.

Ему же оставалось заняться ненавистой вещью: определить законные места простыне, наволочке и пододеяльнику из новенького комплекта постельного белья, лежавшего на голой подушке.

Телефон пискнул, и на экране высветилось: «Привет», отправленное Дэгни.

Лиллехейм вдруг показался Диме самым чудесным местом на свете.

Ужин Арне

На ужин давали тушеную ягнятину в капусте и консервированный зеленый горошек. И это было стократ лучше, чем подъедать нераспроданную выпечку «Золотой челки». Арне без особого энтузиазма откатил горошины на край тарелки, после чего взялся за спасательные работы, выискивая кусочки мяса в капустных залежах. Его отец, Эджил Петтерсон, капитан траулера «Кунна», крупный мужчина, чей мальчишеский блеск в глазах по-прежнему манил женщин, несмотря на сорокатрехлетний возраст, с аппетитом поглощал ужин. Горошек, капуста и фрагменты овцы, замученной во имя сытости, исчезали с его тарелки с поразительной скоростью.

– Что сегодня дала суша, сын? – спросил он.

Его ручища протянулась через весь стол и взяла из корзинки картофельную лепешку.

– Суша дала пищу для размышлений, – ответил Арне.

– Ответ мужчины, – хохотнул Эджил. – Ну что, познакомились с русским парнем?

– Ага.

– И как он?

Перед глазами Арне предстал образ Димы, разбивавшего каменюку на заднем дворе Шакальника. Возможно, это спасло кому-то из них жизнь. Шахтер явно был не в себе.

– Крепкий, – наконец сказал Арне. – Жизнь рыбака выдержит.

Отец опять хохотнул, заполнив гостиную-столовую тем самым громким и бесстрашным смехом, который способен заглушить рокот моря, качающего палубу.

Арне криво улыбнулся, но кровь взяла свое, и он тоже рассмеялся, наслаждаясь родством с гигантом, сидевшим по левую руку.

В холле послышались шаги, и показалась Сигни. Ей пришлось встать из-за стола, чтобы выйти к Астри Фінстад, которая привезла часть нераспроданной выпечки «Золотой челки». Пекарня работала до восьми вечера, и, как правило, продукцию, не успевшую к тому времени разойтись, разбирали ее сотрудники. Сигни, будучи хозяйкой «Золотой челки», была первой в этой очереди.

Она вынула из бумажного пакета два куса пирога с брусникой и три вафельные трубочки с кардамоном. Обычный хлеб разбирали подчистую. Вбежавший за ней Тор пискнул и сделал оборот в погоне за хвостом, рассчитывая на угощение.

– Все-таки ты неважно выглядишь, Сигни, – с беспокойством заметил Эджил. – Ты в порядке? Эй?

Сигни вздрогнула, не сразу сообразив, что Эджил обращался к ней. Она взглянула на свои руки. Плотные и начиненные настоящим поварским жирком, они были растерты чуть ли не до крови. Вспомнился дурной сон, в котором она кормила холодным тестом шнырявших перед пекарней хищников. А когда тесто закончилось, она подала им собственные руки.

Сигни опять вздрогнула, и Тор, ко всеобщему удивлению, зарычал, словно нечто злое-щее пробралось в дом Петтерсонов и теперь пряталось где-то поблизости.

– Плохо спала, – наконец произнесла Сигни с вялой улыбкой, после чего заняла свое место за столом.

– Тогда прекрати тереть руки, – сказал Арне.

Он поглаживал элкхаунда, не сводя глаз с матери.

– Что?

– Ты с самого утра трешь руки, – добавил Эджил. – Может, просто обветрила?

– Да, скорее всего.

Они продолжили прерванный ужин. К недоумению Арне, Тор забился под его стул и, обретя сомнительное укрытие из нескольких перекладин, тихо рычал.

Элкхаунд следил за Эджилом.

Семья Дэгни

Ужин проходил в полнейшем молчании, но Дэгни знала, что ежевечернее втаптывание дневных событий в грязь вот-вот начнется. И не ошиблась. Как обычно, начала мать.

Хелен отставила стакан с содовой и рыгнула, абсолютно убежденная, что у себя дома она имеет право на все. Такого же принципа она придерживалась и при управлении «Мохнессом», единственным в Лиллехейме кафе, где подавали все, что могло насытить рыбаков и бывших шахтеров. Все, кроме десертов, потому что в этой сфере общепита властвовала ее подруга Сигни Петтерсон, хозяйка «Золотой челки». Сигни в качестве ответного жеста, помогавшего сохранять перемирие между конкурентами, не готовила салаты и избегала блюд обеденного меню.

– Матс, ты видел сегодня Сигни Петтерсон?

Матс с затуманенным взглядом оторвался от четырехлетней Фриды, которой как раз нарезал куриный биток.

– Она передавала привет.

– Папа врет. Папа сегодня весь день был дома, – поделилась Фрида важным наблюдением и съела кусок запеченной морковки.

– Ты не был в аптеке? – спросила Хелен, слегка удивленная ложью супруга.

– Просто решил провести день с Фридой.

– Папа мне сегодня надоел, – сейчас же сообщила та.

Матс допускал, что в этот день мог быть навязчив и даже в чем-то назойлив. Но чертов сон с самого утра не шел из головы: волк, прокравшийся к ним в спальню и... и... Он даже боялся сформулировать саму мысль о том, что обитатель кошмара сотворил с Фридой. Поэтому он позвонил Оскару, с которым работал в аптеке на Ривер-стрит вот уже двадцать лет, и попросил поменяться сменой. В конце концов, кто угодно может продать сироп от мокроты. Аптекаря переполняли дурные предчувствия, и возникшее странное облако, переполошившее весь Лиллехейм, только укрепило их. Матс с любовью посмотрел на младшую дочь, и такой же нежный взгляд получила Дэгни. Она нахмурилась, подростковым радаром ощущая, что где-то поблизости витает неприятный разговор.

– Ты хоть предупредил Юдит? – Хелен чувствовала раздражение.

– Да, я позвонил няне и сказал, что сам побуду с Фридой.

– Значит, ты не видел Сигни Петтерсон?

– Господи, мама, он целый день провел дома! – не выдержала Дэгни. – Кого он, по-твоему, мог видеть?

Хелен пропустила мимо ушей выпад дочери и как ни в чем не бывало продолжила:

– Сигни была сама не своя. Руки красные, взгляд такой, будто она застала Эджила за поеданием их сына. Возможно, она предчувствовала появление облака. Как думаешь?

– Думаю, тебе нужно захлопнуть пасть, – тихо сказал Матс.

На мгновение лицо Хелен отразило недоумение, а потом ее мозг благополучно отшвырнул комментарий, которого попросту не могло существовать в природе.

– Дэгни, – повернулась она к старшей дочери, – мы с отцом хотим поговорить с тобой о половом воспитании.

Дэгни вздрогнула: а вот и оно – неугомонная Хелен Андерсен готовилась всех раскатать.

– Полагаю, она все знает, – отозвался Матс, продолжая ухаживать за Фридой.

– Уверена, нет.

Дэгни постаралась говорить спокойно, но в ее голосе все равно слышались нотки подступающей истерики:

– Нам читают лекции в школе, показывают обучающее видео. Я знаю, как работают пенис и вагина и что они делают вместе. Мы же обсуждали мои месячные, мама!

– Отец при этом не присутствовал.

– И не должен! – крикнула Дэгни. – Ты просто больная, Хелен.

Она выскочила из-за стола и, ничего толком не видя из-за слез, отправилась к себе в комнату.

– Дай ей контрацептивов, Матс! – взвизгнула Хелен. – Ты же чертов аптекарь! Мы должны поговорить с ней вместе!

– Я могу поговорить с тобой, мама, – с серьезным видом предложила Фрида.

– Мама сейчас никого не слышит, – сказал ей Матс и улыбнулся, помогая подцепить вилкой очередной кусочек куриного битка.

– Когда у тебя были месячные, Дэгни?! – продолжала орать Хелен. – Молись, чтобы они были, дрянь, иначе Бог возьмет глину и сделает тебя сосудом бесплодным!

Оказавшись у себя в комнате, Дэгни бросилась на кровать. Она не понимала свою семью. Любовь матери иногда будто распахивала черные крылья, и тогда под ними обнаруживалась безумная женщина, способная убивать любое тепло. Отец почти никогда не спорил с ней, а когда это происходило, как сегодня, Хелен Андерсен воспринимала подобное как легкий дождик, который даже не заслуживал раскрытого зонта. Даже Фрида, казалось, была на стороне матери.

Дэгни взяла в руки смартфон и улыбнулась. Дима ответил на ее сообщение коротким «привет», которым было сказано куда больше, чем могли вместить все слова мира. Вдобавок чат «Слюня Одина» уже пестрел фотографиями Тора. Лайка вылизывала не самую лучшую свою часть.

Дэгни хихикнула.

Тревоги Франка

Разогретые на сковороде консервированная фасоль и овощная смесь напоминали нечто перемолотое и исторгнутое обратно – по тарелкам. Впрочем, запах умело уговаривал мозг закрыть глаза. Франк пригляделся к своей порции. Не обнаружив на фасоли сигаретного пепла, взялся за ложку.

– Чисто, – улыбнулся Андеш с другого конца стола.

– Чисто, – отозвался Франк.

– Конечно, чисто, дурни, – проскрежетала Анне-Лисе.

Она затянулась сигаретой, поставила в центр стола, на прожженное в клеенке место, сковороду с остатками овощной смеси и фасоли и пошаркала к телевизору. Открыв баночку джина, Анне-Лисе развалилась перед экраном, не забыв забросить тощие ноги в облезлых тапках на сломанную подставку. Семидесятипятилетняя опекунша братьев Нурдли готовилась провести очередной запойный вечер в компании новой серии «Страны счастья».

Андеш взял из свертка картофельную лепешку и передал брату со словами:

– Андеш отвел Тора домой, и мама Арне угостила Андеша.

– Андеш молодец.

– Молодец, – согласился тот и принялся за еду.

Франк криво улыбнулся, наблюдая, как Андеш, тряся свежестриженной и чуть вытянутой головой, склонился к тарелке. В Лиллехейме к ним относились двояко: либо избегали, будто зверство отца навечно отпечаталось на их лицах, либо заливали жалостливыми взглядами, с какими смотрят на сломавшую ногу лошадь. Таких или пристрелить, или тащить на себе всю жизнь.

Им отдавали обноски и дарили никому не нужные купоны. Иногда подбрасывали пустяковую работу вроде стрижки газона, потому что пособие, выплачиваемое Анне-Лисе на содержание двух лоботрясов, едва покрывало их расходы. Арне и Дэгни частенько таскали им продуктовые остатки из «Мохнесс» и «Золотой челки». Их матери не поощряли это, но особо и не противились. Возможно, где-то на подсознательном уровне они ожидали от Франка или Андеша выходки, достойной их папаши.

Их семья напоминала горькую косточку, сладкую мякоть с которой сорвали вскоре после их рождения. И Франк от всего сердца благодарил Бога, в которого не верил, за то, что Андеш был счастлив по-своему.

– Я не хочу становиться злым волком, – неожиданно заявил Андеш.

Он поднял глаза на брата, и тот увидел слезы.

– Ты чего, братишка? Слишком соленое? – Франк вытянул шею и убедился, что Анне-Лисе по-прежнему выпускает в экран телевизора струи дыма. – Ну, что случилось?

– Облако. – Андеш показал пальцем со сгрызленным ногтем в окно.

Над коттеджами улицы Соржен, где проживали последние из Нурдли, висело вполне обычное темневшее небо. Но Франк знал, что где-то вверху раскручивалась зловещая спираль. Раскрывал пасть облачный кошмар.

Франк пересел поближе, не забыв захватить с собой тарелку:

– Такой белый крендель и раньше появлялся. И знаешь что? Его опять слопает какой-нибудь космический обжора.

На миг лицо Андеша разгладилось, а потом опять словно стянулось к переносице.

– Это облако другое: оно – крутит волков, – прошептал он. – И Андеш тоже скоро закружится.

Слова застряли в горле Франка, пережатые страхом. Он мало что помнил о том случае, когда их отец, Ноа Нурдли, слетел с катушек. И все же что-то, позже дополненное рассказами полиции и медиками, отложилось в памяти.

Дело было январским вечером 2011 года. Они все находились дома: пятилетний Андеш, Франк, которому едва исполнилось три, Анне-Лисе и Ноа, вернувшийся после смены в «Гунфьеле» в стельку пьяным. Анита Нурдли, их мать, уже четвертый год как гнила на городском кладбище Мушэна. Тогда-то и стало впервые ясно, что Андеш обладает пугающими способностями.

Ни с того ни с сего Андеш разревелся. Весь в слезах, он просил, чтобы Ноа не трогал его. Орал и вопил, утверждая, что его голове больно и холодно. Точно такие же спонтанные приступы с ним случились вчера и позавчера. И Ноа взорвался. Он соскочил с кресла, в котором пытался забыться, схватил пятилетнего сына за волосы и поволок к входной двери. Там он бросил его, распахнул настежь дверь, а после – зажал голову Андеша между дверным полотном и коробом.

Анне-Лисе попыталась вразумить единственного сына, за что быстренько поплатилась. Никто не мог помешать Ноа. Пока шахтер, удерживая старшего сына в плену боли и холода, трезвел, прошло тридцать минут. За это время Андеш ни разу не закричал и не заплакал, словно успел растратить все эмоции во время приступов.

– Нужно только немного потерпеть, – прошептал Андеш.

Это были последние осмысленные слова перед тем, как давление и мороз в тридцать два градуса нанесли непоправимый ущерб его мозгу. Каким-то образом он предвидел то, что случится. Трехлетний Франк же просто смотрел, боясь вмешаться. Когда Ноа вырубил Карл, их сосед по улице, было уже слишком поздно. Возможно, Ноа так и не смирился с тем, что Анита Нурдли умерла спустя три часа после того, как вытолкнула из себя толстячка Франка.

Анне-Лисе никогда не говорила об этом, и Франк частенько думал, что она относится к ним не лучше, чем Ноа. Вдобавок она лупила Андеша за любые попытки сообщить о том, что может произойти, словно боясь, что и ей зажмут голову дверью. И Андеш хорошо это усвоил, доверяя переживания единственному близкому человеку – Франку.

– Не хочу делать зло зубами! – произнес Андеш, и его глаза опять налились слезами. – А она будет заставлять! Заставлять всех!

Франк вскочил со своего места и принялся осторожно массировать шрамы, частично опоясывавшие голову Андеша, будто обруч – бочку. Это помогало справиться с приступами. Андешу прописывали какие-то таблетки с труднопроизносимым названием, но они с разрешения Франка отправлялись в унитаз, потому что «мешали думать».

– Вот так, братишка, сейчас пройдет.

– Нога Арне! Я не хотел! Не могу остановиться!.. – Андеш посмотрел на Франка глазами, полными ужаса, и прошептал: – Останови меня.

Франк обнял его за изуродованную голову и поцеловал в макушку, как бы сделала Анита, будь она жива. Андеш вздохнул и как ни в чем не бывало принялся уплетать фасоль с овощной смесью.

– А я знаю, куда завтра отправится Франк с друзьями.

– Да? И куда же? – Франк вернулся на свое место и принялся быстро заталкивать в себя ужин, пока тот окончательно не остыл.

– Франк и друзья пойдут смотреть на дохлого тюленя. Его выбросит под пирс.

На лице Франка расплылась широкая улыбка, уголки которой украшал соус.

Это пахивало настоящим летним приключением.

Метеостанция

Преодолев три километра по серпантину на юго-восток от Лиллехейма, фольксваген вырулил к стоянке метеостанции «Химмелфангер» – одноэтажному зданию, обшитому желтыми теплопанелями. Здесь уже стояла пыльная шкода Эрика. Справа от нее расположились зеленый «Хендай-Байон» и бюджетный синий электромобиль «Тесла» второй модели. Флюгер Вильда, закрепленный на десятиметровой мачте, казалось, сходил с ума.

Диана взмыла вверх по ступеням и едва не столкнулась с Эриком.

– Слава Богу, ты цела, Диана! Видел, как ты неслась по дороге!

– Что на облакомере, Эрик?

– Высота – девятнадцать километров. Угол – двадцать семь градусов, словно у брошенной тарелки для фрисби. А еще оно стоит на месте, хотя ветер там такой, что с самолета ободрало бы весь фюзеляж.

– Это невозможно. – Натолкнувшись на выразительный взгляд Эрика, Диана пробормотала: – Похоже, скоро в атласе облаков появится целый раздел.

Они прошли внутрь метеостанции. Навстречу им подняли головы двое: толстуха в практичном спортивном костюме с золотистыми полосками на черном фоне и парень в очках и рабочем комбинезоне, нависавший над девушкой как погнутый строительный кран. Диана сразу поняла, что в позе «крана» парень только что вытанцовывал у окороков девушки. Оба выглядели достаточно молодо, чтобы оказаться на возрастной ленте в области двадцати трех – двадцати пяти лет.

– Ингвильд Эвенсен, ездит на «Химмелфангер» по будням, набивает у нас навыки, – представил Эрик девушку, затем махнул рукой в сторону парня: – Лённарт Хёлен. Он здесь живет, следит за приборами.

– Потому что жить больше негде, – буркнул Леннарт и принялся. Его лицо, пораженное колониями прыщей, хотя возраст давно должен был стереть их, изобразило отвращение. – От этой русской воняет псиной.

Услышав это, Эрик будто окаменел. Правда, это состояние не длилось дольше двух секунд.

– Леннарт, ты кретин. Диана прекрасно владеет норвежским.

– А еще я прекрасно владею собой, – подчеркнула Диана и добавила: – Диана Хегай, буду работать с вами до конца августа. Что мы имеем по аномалии?

– Ну, у нас в наличии какая-то несурзаца, – произнесла Ингвильд, показывая на экран. – Эта штука должна либо рассеяться на запад, либо обрести чечевицеобразную форму, харак-

терную для горной местности, и тоже со временем расползтись. Но этого по какой-то причине не происходит.

– Это магия! – пропел сладким голосом Леннарт.

– Насколько я знаю, в «Химмелфангере» есть два метеозонда, – в задумчивости произнесла Диана. – Предлагаю выстрелить первым из них, как пробкой от шампанского. Что скажешь, Эрик?

Тот расплылся в широкой улыбке, раздвинувшей рыжую бороду:

– Скажу, что пора доставать фужеры.

– Есть! – хлопнул в ладоши Леннарт и умчался в кладовку доставать компоненты метеозонда.

Захватив пачку сигарет, лежавшую рядом с клавиатурой, Ингвильд направилась к задней двери.

– Вы идете? – спросила она. – Метеозонд, знаете ли, через печную трубу не вылетит.

– Мы нагоним. – Убедившись, что девушка ушла, Диана повернулась к Эрику: – От меня действительно как-то неприятно пахнет?

Старший метеоролог ощутил, как его обдало жаром. Ему только что в том или ином виде дама предложила обнюхать себя. Он чуть наклонился к ней, удивленно заметив жилку на ее шее, и осторожно принюхался.

Пахло женщиной – обнаженной и ждущей самца.

Эрику вдруг стало жутко. Словно он сумел опознать зверя противоположного пола, потому что сам являлся таковым.

– Все в порядке. Чудесный запах. Я поговорю с Леннартом, чтобы он поменьше болтал.

– Спасибо. Сумасшедший день.

Они вышли наружу следом за Ингвильд.

На небольшой площадке, предназначенной для пуска метеозонда, Леннарт как раз заканчивал перепроверять крепление строп, сцеплявших бесформенную пластиковую оболочку и пятикилограммовый контейнер с аппаратурой. Электронные термограф, барометр, гигрометр, а также миниатюрная видеокамера и прочее – все это готовилось подняться на высоту девятнадцати километров, чтобы уже там заглянуть в брюхо аномалии. Небо прощалось с оттенком желтеющей гематомы, бравшей исток на морском горизонте.

– Клянусь, от нее тянет каким-то животным, – бросил шепотом Леннарт.

– По-моему, ты просто сходишь с ума. – Ингвильд выпустила облачко дыма, со скепсисом наблюдая за возней дружка.

Наконец Леннарт нажал красную кнопку редуктора, и в пластиковую оболочку заструился гелий, подаваемый из пятидесятилитрового баллона. Шар начал надуваться, напоминая волдырь, стремящийся сорваться в небо. Когда диаметр пластиковой оболочки достиг метра, метеозонд оторвался от земли и поплыл вверх. Казалось, на юго-восточных склонах Подковы Хьёрикен всходила тусклая луна.

– Такой маленький, – заметила Диана.

– Из-за разницы в давлении он начнет увеличиваться в размерах уже на высоте трех километров. – Леннарт не хотел отвечать, но неловкость, возникшая после его необдуманного комментария, сама распахнула ему рот.

– Что ж, всем спасибо, остается только ждать! – объявил Эрик. – Первые данные мы получим лишь через час.

– Через час и три минуты, – вставила Ингвильд, забавляясь с сигаретным фильтром, – если, конечно, скорость подъема составит пять метров в секунду.

– Диана, ты останешься?

Та подумала, трезво оценивая свое состояние, и пришла к выводу, что хороший сон ей не помешает. После двадцатичасового перелета, из которого они потратили около двенадцати

часов на пересадки и ожидание, ей просто необходимо было приклонить голову к подушке. К тому же Диана была уверена, что они сделали все от них зависящее.

– Я, пожалуй, ознакомлюсь с данными утром.

– Хорошо. Я провожу тебя.

Эрик дошел с Дианой до ее фольксвагена и открыл ей дверь. Женщина уселась за руль и опустила стекло.

– Ты ведь в курсе, что Ингвильд и Леннарт спят вместе?

Старший метеоролог изобразил недоумение:

– А кого это касается?

– Ты прав. Доброй ночи, Эрик.

– Доброй ночи, Диана.

Фольксваген тронулся с места и пополз по серпантину к Лиллехейму, ощупывая дорогу светом фар, и Эрик вдруг ощутил необъяснимую тоску. Он потянулся за сигаретами в карман куртки и выронил их. На мгновение ему привиделось, что руки мутировали в уродливые лапы, похожие на волчьи. Как в том сне.

Сделав глубокий вдох, Эрик с закрытыми глазами подобрал упавшую сигаретную пачку, после чего закурил и поплелся обратно.

Видение

Дима все ворочался. Организм, переживший несколько встрясок за сутки, от перелета и до дневных событий Лиллехейма, упрямо желал бодрствовать. Часы на смартфоне показывали начало третьего пополудни. «Уже четвертое августа, – промелькнуло в голове у мальчика, – а сна ни в одном глазу».

Он открыл чат «Слюня Одина» и рассмеялся, прикрыв рот рукой. Фотография Тора, застигнутого Арне не в самый мужественный момент, рассмешила бы кого угодно. Следом он проверил еще два чата: «Физика капут», созданный Артемом Грашиным, главным заводилой у них в классе, и «Жить жопа», в котором состояли ребята с их двора. «Физика капут» пустовал с конца мая, а в «Жить жопа» и вспоминать не вспоминали про такого паренька, как Дима Хегай. Уехал и уехал, слава богу.

Дима испытал странное облегчение, обнаружив, что никто не стремился перекинуться с ним хоть парой словечек. Это означало, что можно дружить и веселиться без угрызений совести или тоски. Вроде бы. К тому же с утра их ждала настоящая жуть –дохлый тюлень в порту Лиллехейма! И откуда Франк только узнал о нем?

– Это будет посерьезнее сбитых кошек у обочины, дамы и господ! – шепотом объявил Дима и рассмеялся. Прислушался.

Тишина.

Отец печатал почти до полуночи, прикончив половину бутылки своего картофельного пойла. Он то и дело спускался в подвал, словно там находился источник вдохновения. Мать вернулась с «Химмелфангера» немногим раньше. После короткой беседы и таких же коротких поисков зубных щеток и бритвы оба легли спать. Облако, перепугавшее Лиллехейм, к немалому разочарованию Дианы, пропало, словно единственной его целью было дать знак. Знак к чему?

Дима повернулся на правый бок и понял, что не может закрыть глаза.

Через приоткрытое окно было слышно, как на проезжей части Гренсен что-то постукивает. Когти? Походило на шаги бродячей собаки. Псина, судя по звуку, приближалась к коттеджу Хегай. Диму объял прямо-таки суеверный ужас. И через секунду ужас пустил в его теле столетние корни.

На подоконнике сидела женщина.

Поза ее отрицала человеческое понятие удобства, тогда как сама незнакомка была абсолютно голой и будто шелковистой. Ее волосы, напоминавшие густую серую гриву, ловили свет луны и возвращали его в ночное небо маленькими искрами. Лицо оставалось в тени.

Женщина прошла в комнату, забралась к Диме на кровать и уселась на него сверху. Несмотря на новизну ощущений, подростка захлестнул ужас. Он попытался произнести хоть слово, но незнакомка и так поняла его незаданный вопрос.

– Сиф-ф-грай, – прошепестела она прямо в ухо Диме.

Мальчик машинально обнял ее за талию, и понял, что видит ложь. То, что выглядело как чистая и белая кожа, на ощупь было как охлажденная ветром шерсть. Зрачки Сифграй обрели цвет крови, смешанной с водой. И никакая тьма не могла умалить их адского сияния.

Она вновь склонилась над Димой, и он беззвучно закричал, ощутив, как его рот обхватила волчья пасть. Клыки стиснулись, и в горло парнишке ударила каменная крошка, забивая дыхательные пути. Раздался влажный треск, и лицо Димы отошло от черепа.

Он вскрикнул и проснулся. В ушах все еще звенел звериный хохот, который Дима услышал за миг до пробуждения. Схватился за грудь, проверяя, не выпрыгнуло ли бешено стучавшее сердце, и сел, тяжело дыша.

Немного придя в себя, Дима подошел к окну и выглянул на улицу. Коттеджи Гренсен безмятежно покоились в ночи. Не без удивления отметил, что у колпаков горевших фонарей нет насекомых. Все еще дрожа от пережитого кошмара, Дима вернулся в кровать.

– Сифграй, – произнес он и горько усмехнулся, вспомнив Шакальника и его сумасшедшие фантазии, связанные с куском расколотого камня.

Через пару минут мальчик забылся крепким сном.

Во плоти

Микаэль лежал в темноте с закрытыми глазами. Перед мысленным взором плавали фрагменты изваяния из кристаллического сланца. Они то собирались в кусок породы с чертами хищника, то рассыпались. Но это не трогало Микаэля. Днем он услышал ее воющий стон – глас женщины-волчицы, как тогда, в западном штреке «Гунфьяля». А после, ближе к вечеру, в небе появился ее знак. Шахтер захихикал, едва сдерживая эмоции.

Она здесь!

Прямо в Лиллехейме!

Нужно лишь дождаться!

На прикроватной тумбочке валялись четыре смятые банки из-под пива, и каждую Микаэль хорошенько запил дешевым виски. Однако что-то, вопреки выпитому, удерживало его разум на плаву.

– Лунный свет станет нашим танцполом, крошка, – пропел Микаэль слабым голосом. – Я возьму тебя за руку и вдохну аромат твоих кружев. И луна сыграет нам, крошка, двум влюбленным с севера!

Следующий куплет застрял у него в глотке, и он вскочил, пораженный невесть откуда взявшейся мыслью: ЕГО ЖДУТ. словно в голове зажглась световая табличка, наподобие тех, что извещают о прямом эфире в студии радиостанции. Микаэль с улыбкой помчался к двери, прекрасно отдавая себе отчет в том, что с таким же успехом мог вообразить Иисуса, топтавшегося на пороге с блоком пива в руках и бейсболкой на голове.

Дверь распахнулась, и улыбка Микаэля погасла.

Снаружи никого не было.

Микаэль выбежал на лужайку, все еще не веря в обман. Пил-стрит пустовала. Лиллехейм не относился к тем городкам, жизнь которых била ключом в три часа ночи. В небе не осталось и следа от странного облака.

– Где?! Где ты?! – взревел он.

Ни одно окно Пил-стрит не вспыхнуло светом. Микаэль повернул голову в сторону галечного пляжа бухты Мельген и ощутил, как ноги предают его.

Со стороны моря, из мрака, двигались две точки, которые могли быть только глазами. К ужасу Микаэля, приближавшиеся глаза цвета водянистой крови смотрели куда-то в сторону, будто он, столько мечтавший об этой встрече, не заслуживал даже взгляда.

Под огни Пил-стрит вышла крупная волчица.

Размеры ее были столь пугающими, что она при желании могла дать бой белому медведю. И с высокой долей вероятности прикончила бы косолапого ублюдка. Грива и шерсть имели кристаллический блеск, заигрывавший с лунным светом.

– Я знал, знал, крошка, что ты настоящая! – взвыл Микаэль. Он перебрался на асфальт и на карачках пополз к волчице. – Теперь мы потанцуем! Я стану твоим мужем! Буду твоим навсегда, милая!

Приблизившись к зверю, мало походившему на прочих, известных человеку, Микаэль заулыбался. Увидел на брюхе волчицы тяжелые молочные железы, казавшиеся потасканными из-за тысяч вскормленных волков.

– Сифграй! Крошка моя! – простонал Микаэль.

Искривив рот, он потянулся к грудям чудовищной волчицы. Сифграй беззвучно подняла верхнюю губу печеночного цвета, и блеск ее клыков отразился в испуганных глазах Микаэля. Она с прежней отрешенностью смотрела куда-то вбок, будто там находилось нужное ей будущее, и от этого шахтеру было совсем не по себе.

– Что я должен сделать, чтобы заслужить твою милость? Только скажи! – Голос Микаэля почти срывался на визг.

В его разуме загорелись мысли-таблички. Твердые и короткие, они походили на пролажные приказы.

– О, конечно. Конечно! Я добуду тебе кого-нибудь. Бедняжка. Я бы тоже был голоден.

Со стороны Оллевейн послышался стук, и Микаэль бросил быстрый взгляд на промелькнувшую тень. В темноту бросилась портовая крыса, державшая в пасти остатки рыболовной сети, провонявшей дарами моря.

Когда Микаэль повернул голову обратно, Сифграй уже исчезла. Шахтер остался один. Бывшееся неподалеку темное море, казалось, тоже обещало чудеса. Но Микаэлю было достаточно и одного за ночь.

Он вернулся в дом, порылся в кладовке и вынул старое кайло – чуть погнутый инструмент, которым он пробил в шахте баллон с техническим кислородом. Затем состряпал простейший коктейль из успокоительного и воды, после чего набрал его в шприц. Вытащил из сарайчика на заднем дворе тачку, на которой возил от пирсов березовые чурки, поставляемые ему на заказ.

Закинув кайло в тачку, Микаэль выкатил все это барахло на Пил-стрит. Огляделся, вдыхая сладкий воздух, от которого буквально текли слюни.

– Чудесная ночь, детка. А следующие станут еще чудеснее.

Невнятно напевая, он отправился бродить по спящим улицам Лиллехейма.

Часть 2. Сара Мартинсен

Похищенная

Лисбет забрала с заднего сиденья вольво молоко и пару упаковок сухих завтраков, после чего закрыла машину. В голове до сих пор раздавался костяной, лакированный стук, с каким шары для боулинга сшибали кегли. Эта смена в круглосуточном боулинг-клубе «Папа Шар» чуть душу из нее не вытрясла. Все чертова подвыпившая компашка, решившая опрокидывать по бокалу пива за каждый страйк, а играли они отменно. Как и ревели от восторга. Но сейчас Лисбет уже в Лиллехейме, и грохот останется лишь во сне.

Ежась от утренней прохлады, Лисбет прошла по дорожке к дому. Она слышала об облаке, перепугавшем весь городок, и беспокоилась о Саре. Десятилетняя дочь оставалась одна, когда Лисбет выпадала ночная смена в «Папе Шаре», располагавшемся в южной части Мушэна. В такие сутки мать и дочь, живших вдвоем вот уже два года, разделяли восемь часов смены и чуть больше пятидесяти километров.

Еще раз удостоверившись в том, что небо четвертого августа напоминает просторную голубую колыбель, Лисбет вошла в дом. Внутри ее встретила та же прохлада, что и снаружи, словно Сара спала с открытым окном. Лисбет прошла на кухню, подсознательно ожидая торопливый топот. Но Мясодав не спешил приветствовать хозяйку.

– Вот же две сони, – с улыбкой сказала Лисбет, ставя молоко в холодильник, а сухие завтраки – в шкафчик.

Она прошла в комнату дочери и обнаружила, что кровать пуста, а окно наглухо закрыто. И все же откуда-то тянуло сквозняком.

Лисбет вышла в коридор и крикнула:

– Мясодав, ко мне!

Женщина рассчитывала на верность и послушность мастифа. Уж он-то точно не станет прятаться, даже если Сара, решив устроить розыгрыш, с хихиканьем удерживает его сейчас где-нибудь в платяном шкафу за ошейник.

Однако Мясодав, хоть и прозвучала команда, не появился, и Лисбет забеспокоилась по-настоящему. Она быстрыми шагами обошла весь первый этаж дома и в растерянности замерла перед задней дверью. В лицо женщине бил легкий ветерок.

Сперва Лисбет не поняла, что видит, но потом ее мозг с мерзким лакированным стуком соединил отдельные картинку в зловещее полотнище.

Задняя дверь коттеджа была выбита и теперь висела на одной верхней петле. Внизу лежал неотзывавшийся Мясодав. В носу мастифа запеклась кровь; пробитый в нескольких местах череп потерял привычную форму. Собака словно прикорнула в луже собственной крови.

К страшной картине примешался необъяснимый звук, и Лисбет лишь спустя десять секунд осознала, что это был ее крик.

Осмотр и прочие хлопоты

Кристофер Орхус с какой-то извращенной радостью понял, что Лиллехейм уже не будет прежним. Как будто в нем, в инспекторе, очнулся карьерист-некрофил, только и мечтавший добратся до повышения по телам. А еще полицейский, глядя на мертвую собаку, которая, судя по всему, попыталась остановить неизвестного, ворвавшегося в дом Лисбет Мårтинсен, испытывал какой-то жуткий испуг.

Тщательно протерев вспотевшие ладони о форменные брюки, Кристофер вышел на задний двор, чтобы еще раз все осмотреть. Никаких следов. Кроме самых очевидных, что остались в доме. Похититель просто вломился и взял то, что хотел, а именно: десятилетнюю девочку. Кричала ли она? Отбивалась?

Надежда, что ребенок еще жив, представлялась отлетающим призраком.

Кристофер вернулся внутрь и, ориентируясь на рыдания, прошел на кухню. Лисбет, пряча лицо в руках и мотая головой, сидела за столом. Рядом с ней расположилась сержант Берит Кårсен, двадцатилетняя блондинка, несшая службу с Кристофером в Лиллехейме.

– Лисбет, послушай, нам нужна твоя помощь. Да послушай же! – Берит понемногу выходила из себя.

Лисбет оторвала покрасневшее лицо от рук и уставилась на сержанта.

– Вот и славно, смотри на меня. – Берит улыбнулась. – Скажи, это мог сделать отец Сары?

– Эсбен? Да на кой мы ему сдались? Он не позвонил ей даже на день рождения!

– Хорошо. Как мы можем с ним связаться? Он сейчас в Лиллехейме?

– Господи, говорю же, это не он! Эсбен сейчас где-то на севере страны, работает на каком-то рыбном заводе. На прошлое Рождество просил займы. Для него Сара – лишний рот!

Пока Берит пыталась выудить у Лисбет хоть какую-нибудь полезную информацию, Кристофер склонил голову к выносному манипулятору рации, крепившемуся к левому плечу:

– Сульвай, как слышно? Прием.

– Слышно хорошо, Кристофер, – отозвалась Сульвай чуть искаженным голосом. Будучи наемным работником, она отвечала на звонки и принимала факсы, а еще, изредка, бесила Берит.

– Как дела с нашей бедой? Удалось связаться с управлением Мушёэна?

– Пока нет.

– Продолжай попытки и сообщи, если на том конце кто-нибудь проснется.

– Принято.

Кристофер посмотрел на безутешную Лисбет и что-то втолковывавшую ей Берит. Да уж, такого в Лиллехейме еще не случалось. Бывало, конечно, всякое – вроде пьяных выходок или того чудовищного случая, когда отец зажал дверью голову собственному сыну. Но похищение ребенка? Да вся Норвегия уже на ушах должна стоять, прочесывая улицы городка и склоны Подковы Хьёрикен!

Однако ныне лицо страны представляли только он да Берит. Что-то случилось со связью. Как будто вчерашнее облако имело к этому прямое отношение. Доступ к интернету отсутствовал, как и покрытие сотовой связи. Городок только-только продирает глаза – и лишь для того, чтобы узнать, что утро он встретит без котиков и новостей. Работали только радиостанционные телефоны, будто слова можно было перебрасывать исключительно в пределах Лиллехейма.

К дому Лисбет подъехала машина скорой помощи, и Кристофер с облегчением выдохнул. Здесь им с Берит делать нечего. Беглый опрос соседей ничего не дал. Спали как сурки. Но теперь уж вряд ли уснут, узнав о пропаже Сары Мартинсен.

– Берит, мы уезжаем, – бросил он сержанту и обратился к хозяйке дома: – Лисбет, тобой сейчас займутся медики. Не отказывайся от успокоительного. И будь дома: Сара может вернуться в любой момент.

– А вы? – В голосе Лисбет слышался злобный упрек, но Кристофер не мог винить ее за это.

– Пока не пришла помощь из Мушэна, мы постараемся организовать поиски силами жителей Лиллехейма.

После этих слов Лисбет обмякла. Ее плечи поднялись и вновь задрожали, выдавая рыдания, для которых не осталось даже звуков. Просто трясущаяся скорлупка, принявшая форму зареванной женщины.

– И попроси кого-нибудь починить заднюю дверь, – сказал напоследок Кристофер.

В дверях они столкнулись с медиками – Олсеном Далем и каким-то худым мужчиной с сигаретой за ухом, которого Кристофер не знал.

– Нашли девочку? – шепотом спросил Олсен, боясь, что их услышит Лисбет.

Берит отрицательно замотала головой.

– Побудьте с ней, сколько сможете, – попросил Кристофер.

Олсен кивнул, и они с напарником вошли в дом.

Заняв пассажирское сиденье в служебном вольво, Берит заметно расслабилась. Хвостик волос, продетый в застежку форменной бейсболки, скользнул по подголовнику. Она чувствовала близость оружия, хоть правила и предписывали хранить его в ящике-сейфе, размещенном в багажнике патрульной машины.

– Какие дальнейшие действия, Кристофер?

Машина тронулась с места, и полицейские принялись с тревогой оглядывать дома улицы Бипаркен.

– Я заброшу тебя в участок, и уже оттуда ты и Сульвай обзвоните всех, у кого в Лиллехейме еще остались стационарные телефоны. Я понятия не имею, что за дрянь поразила связь, но готов неделю поить того, кто все это время поддерживал телефонную станцию города в рабочем состоянии.

– А ты? – спросила Берит, и Кристоферу на миг почудилось, что вопрос опять задала рыдавшая Лисбет.

– Я поеду к новичкам.

– Господи, ты же не думаешь, что девочку похитили эти русские?

– Что? Нет, конечно. Уверен, они и понятия не имели, что где-то в Лиллехейме какой-то ребенок ночевал один.

– Тогда для чего они тебе?

– У них может быть свежий взгляд на вещи... и Лиллехейм.

Берит хорошенько обдумала это предположение:

– Пусть так. Когда ждать поисковиков из Мушёэна?

– Никогда, – ответил Кристофер с мрачным видом. – Если в управлении не узнают, что у нас стряслось, то никогда. И если в ближайший час ничего не изменится, я наведаюсь туда лично. И буду орать, пока не подниму на поиски всех, у кого есть нос, ноги и глаза. Или пока у меня голосовые связки не лопнут.

Они замолчали. В полицейском участке имелся спутниковый телефон для подобных экстренных случаев. И потому для всех стало сюрпризом его полнейшая бесполезность. Либо все спутники планеты разом пришли в негодность, либо городок оказался во власти чего-то, с чем человеку еще сталкиваться не приходилось.

Суда бухты Мельген также были оборудованы средствами спутниковой связи и навигации, и, как полагал Кристофер, в это утро они тоже отвернулись от своих владельцев.

Неприятная беседа

Диана с мрачным выражением на лице смотрела на деления, обозначающие мощь сигнала сотовой связи. Серые и перечеркнутые. Она отложила свой телефон и потянулась через кровать за «сяоми» Лео. Телефон супруга не отличался доброжелательностью и демонстрировал те же мертвые деления.

– Лео! – позвала Диана, стараясь перекрыть шум воды, доносившийся из ванной второго этажа.

– Что?

– Ты в курсе, что связи нет?

– Да! И уже поздно!

– Что – поздно?

– Говорить мелкому, чтобы он остался дома!

У Дианы перехватило дыхание. Она вскочила, быстро запахнулась в халатик и шагом, выдававшим волнение, прошла в комнату Димы. Кровать заправлена, часть вещей еще не разобрана, на двери – приклеенная бумажка с посланием, собранным из готических букв:

*Уважаемые Л. М. и Д. В.! Уехал с ребятами в порт. Буду к обеду...
если к столу подадут телячью отбивную, сухарики и розовое вино!*

Ваш (но больше свой) Д.

Диана сорвала бумажку и, потрясая ею, ворвалась в ванную. Лео как раз вытирал ноги. Увидев жену в состоянии, далеком от дружелюбного, он как ни в чем не бывало спросил:

– Как там твоё облако?

Набравший силу залп негодования сейчас же размяк, и Диана почти бегом вернулась в спальню. Выглянула в окно. Небо напоминало невинную голубоглазую куртизанку, напрочь позабывшую о вечере, проведенном со спрутообразным кавалером.

– Просто так ты от нас не отделаешься, – пробормотала Диана.

Она села на кровать и машинально набрала номер Эрика, желая узнать первичные данные, полученные от метеозонда. Дозвониться, конечно же, не удалось, и Диана взглянула на экран. Начало девятого, а уже все идет кувырком. Из хмурого оцепенения женщину вывели шум работавшего движка и шелест шин по асфальту. Кто-то подъехал к коттеджу Хегай.

Диана опять выглянула в окно и обмерла: у лужайки стоял полицейский вольво, из которого вылезал инспектор. Она торопливо спустилась на первый этаж, совершенно не думая о том, как выглядит. Распахнула входную дверь.

– Фру Хегай, – кивнул Кристофер так, словно ожидал, что его встретит растрепанная хозяйка дома. – Могу я войти?

– Что с Димой?! – выпалила Диана, старательно выметая из головы образы ужасных происшествий, что могли произойти с сыном. Перебравший водитель, бешеная собака и еще бог весть что.

Лицо инспектора пошло белыми пятнами.

– Вы хотите о чем-то сообщить?

– Я? – Диана выглядела откровенно озадаченной. Наконец до нее дошло, что визит полицейского не связан с Димой. – Нет. Просто я подумала...

Она отошла в сторону, пропуская Кристофера в дом. Тот вошел и огляделся, остановив взгляд на кухне.

– Можно попросить у вас кофе?

– Только если вас не смутит его водопроводная природа, – раздался с лестницы голос Лео. Поскрипывая на ступенях влажными шлепанцами, он, в наспех натянутых домашних штанах и серой футболке, спустился и пожал полицейскому руку. – Чем обязаны, Кристофер?

Пока Диана готовила кофе, инспектор снял бейсболку, пригладил темные волосы и уселся вполоборота к столу.

– Этой ночью пропала девочка, – проговорил он бесстрастным голосом, решив сразу обозначить цель визита. – Сара Мартинсен. Десять лет. Пропажу обнаружила ее мать. Задняя дверь их дома выломана, собака убита.

Диана ахнула, едва не выронив кофейник, а Лео нахмурился.

– Почему вы приехали к нам, инспектор? – спросил он. – Вы нас в чем-то подозреваете? Кристофер позволил себе слабую улыбку:

– Моя мать, Ингри, владелица «Аркадии», утверждает, что вы – хорошие люди. А я всегда был склонен доверять суждениям этой женщины. Мне позарез нужен свежий взгляд со стороны, чтобы найти Сару. А вы не местные. Что-то может выбиваться из общей картины – что-то, что можно заметить лишь со стороны. Есть какие-нибудь соображения?

– Значит, за горной улыбкой прячется оскал, – пробормотал Лео и погрузился в размышления.

Диана поставила полицейскому кружку кофе и сунула следом блюдо с печеньями.

– Почему дети все еще свободно разгуливают по Лиллехейму? Почему жители до сих пор не оповещены о случившемся?

Кристофер спокойно выдержал взгляд женщины, которая находилась в шаге от того, чтобы прийти в бешенство. Так же стойко он сейчас выдерживал напор собственных тревожных предчувствий.

– Потому что связи в привычном ее понимании нет. Сотовая, спутниковая – ничего. Только рации с радиусом работы в двадцать километров и стационарные телефоны, закольцованные на Лиллехейме. Лишь благодаря этому старью Лисбет Мартинсен удалось связаться с участком.

– И Подкова Хьёрикен, как экран, и без того ограничивает эти скудные возможности? – предположил Лео.

– Да.

– Мы должны найти Диму, – решительно заявила Диана. Взглянула на мужа: – Ты должен притащить домой этого чертового мальчишку!

– Я? – удивился Лео.

– Да. Потому что я отправлюсь на «Химмелфангер». Проблемы со связью могут быть связаны со вчерашним облаком.

– Хорошо, а я пока обегу Лиллехейм на своих двоих и буду надрывать глотку.

Диана без труда распознала сарказм в голосе супруга. Но, прежде чем она успела достать жало пятнадцатилетней семейной жизни, вклинился инспектор:

– Сержант Карсен как раз занята организацией поисков. Среди прочего каждого несовершеннолетнего отправят домой. А теперь, прошу, успокойтесь и скажите, что, по-вашему, выбивается из общей картины?

Лео и Диана обменялись многозначительными взглядами. Конечно же, они вчера обсудили Лиллехейм и перемысли косточки его жителям, не без этого.

– Если окружение девочки и ее матери ни при чем, то, я думаю, нужно начать с этого вашего Шакальника, – произнес Лео.

– Чутье писателя?

– Называйте как хотите. Но людей с расстройствами психики, как и только что отбывших тюремный срок, необходимо проверять в первую очередь.

Кристофер кивнул. Микаэль Скоглунн являлся частью Лиллехейма и в некотором роде не отличался от малозаметного пятна на стене. Не замечаешь, пока не приглядишься.

– Это очевидно, – наконец согласился он и поднялся.

К кофе, от которого тянуло водопроводом, он так и не притронулся.

– А каким образом вы организуете поиски, если нет связи? – поинтересовался Лео и тоже встал, чтобы проводить полицейского.

– Мы обзвоним всех, у кого в Лиллехейме еще остались стационарные телефоны, и попросим собраться у полицейского участка для координации поисков. Выдадим рации из хранилища.

– А почему бы не использовать автоматизированную систему централизованного оповещения?

Кристофер ответил виноватой улыбкой:

– Она неисправна.

– А вы? – поинтересовалась Диана у инспектора, подходя к парадной двери со всеми. – Чем будете заняты вы?

Вопрос, заданный третий раз за утро, окончательно испортил Кристоферу настроение.

– Я отправлюсь в Мушён: для поисков нужны люди и техника.

– Кристофер, почему ты не сказал, что хозяин этого дома пропал вместе с семьей?

– Потому что я не верю, что в Лиллехейме обитает зло.

Оставив чету Хегай осмысливать незавидное положение вещей, отравившее утро четвертого августа, Кристофер вернулся в машину. Был ли Микаэль Скоглунн причастен к пропаже ребенка? Мог ли бывший шахтер найти новый смысл в жизни: например, в похищении десятилетних девочек? Ненавидел ли человек по кличке Шакальник директора шахты настолько сильно, что мог прикончить его вместе с семьей?

Инспектор включил рацию:

– Берит, это Кристофер. Прием.

– Слушаю тебя, Крис.

– Надо проверить Микаэля Скоглунна.

– Шакальника? Он же безвылазно сидит дома и вечно что-то строгает.

– А если слухи правдивы и это он устроил обвал на «Гунфьель»? Что ему мешает продолжить в том же духе?

– Спусти столько лет?

– Возможно, у него появился повод. Ладно, не бери в голову, я сам к нему заеду, как вернусь. Отбой.

Вместе с шумом заработавшего мотора к Кристоферу пришла необъяснимая уверенность в том, что он в последний раз видит Лиллехейм.

Первые звонки

Раздался хлопок, и Берит с раздражением обернулась. Сульвай Арнтсен, сидевшая за стойкой приема обращений, увлеченно выдувала розовые пузыри из жевательной резинки. Она с безразличием просматривала телефонный справочник Лиллехейма. Запах кислой вишни, крепнувший с каждым уничтоженным пузырем, заполнял полицейский участок.

– А можно энергию рта направить на оповещение жителей? – уточнила Берит, с трудом держа себя в руках.

– Как скажешь, сержант, – протянула Сульвай и выдула еще один пузырь, после чего соизволила набрать какой-то номер.

Но даже это она выполняла с таким видом, будто делала одолжение всему миру.

Берит знала, что Сульвай недолюбливает ее, и понимала, что причиной тому была их разница в возрасте. Двадцать шесть – ее, Берит Карсен, сержанта. И тридцать пять – у любительницы пожевать. Кристофер со своими тридцатью увяз как раз между ними, но он никогда не заставлял вот такие выходы Сульвай. Обладательница мясистых губ и глубокого декольте, в котором, если покопаться, можно было добраться до нефти, изводила лишь Берит.

Девушка попыталась отстраниться от чавканья и уставилась в монитор, просматривая базу телефонных номеров жителей Лиллехейма. Первой решила позвонить Ингри Орхус, матери Кристофера. По какой причине? Возможно, где-то на подсознательном уровне она хотела утереть нос Сульвай. Неужели они обе боролись за внимание инспектора?

Берит подавила неуместную улыбку и принялась нажимать клавиши белого телефона, который не мешало бы почистить. Сейчас полдесятого, а значит, Ингри Орхус уже в «Аркадии».

После трех гудков в динамике раздался знакомый голос:

– Бакалейная лавка «Аркадия». Мы старые, но вкусные. Чего желаете?

– Ингри, это Берит. Нужно твое содействие.

– Да, конечно. Что случилось? И где Кристофер? Вчера привезли его любимую консервированную говядину, но я забыла упомянуть о ней. А теперь не дозвониться.

– Сейчас весь Лиллехейм испытывает проблемы со связью. Кристофер как раз на пути в Мушён – чтобы решить эту проблему... и еще одну.

– Еще одну? – В голосе Ингри послышались колокольчики тревоги, словно эта самая «еще одна» имела прямое отношение к ней.

– Да. – Берит перевела глаза на заготовленный текст, в котором постаралась кратко сформулировать основную мысль. – Сегодня ночью пропала Сара Мартинсен, десятилетняя

девочка, проживающая на Бипаркен. Судя по всему, ее похитили прямо из собственного дома. – На другом конце повисло молчание, и сержант забеспокоилась, не оборвалась ли связь. – Ингри, ты еще здесь? Алло?

– Да. Да, я слушаю. Взяла ручку. Продолжай. – Голос Ингри потерял всякую выразительность.

Берит продиктовала приметы девочки, записанные со слов матери: рост – около ста сорока сантиметров, вес – чуть за тридцать два килограмма. Затем описала, в чем, предположительно, был ребенок на момент похищения: зеленая майка на бретелях и такого же цвета шортики. На заднем фоне Сульвай что-то монотонно говорила в телефонную трубку.

Потом Берит взяла фотографию, полученную от Лисбет. Снимок предстояло размножить, добавив к нему не самые радостные фразы о пропаже ребенка. На фотографии Сара стояла с воздушным шариком перед тортом, на котором разноцветными огоньками горели десять свечек. Голубые глаза, чуть белые губы, типично норвежские, и совершенно нетипичные черные волосы по плечи. Все это Берит со всей тщательностью проговорила.

– А теперь самое важное, Ингри. Через твою лавку проходит много людей, и нам нужно, чтобы каждый из посетителей «Аркадии» узнал о случившемся и принял посильное участие в поисках Сары. И еще: для несовершеннолетних Лиллехейма объявлен комендантский час. Все дети должны быть под надзором.

– Это всё, Берит?

– Сотовой связи нет, но стационарная еще работает. Пусть не забывают об этом. Мы ждем любой информации. Вот теперь, пожалуй, всё.

– Тебе снятся волки, Берит?

Вопрос был неожиданным, и Берит растерялась, не зная, что ответить и как это воспринимать. Ингри Орхус всегда отличалась крепостью рассудка, даже когда выпивала. Это мог подтвердить кто угодно, в том числе и ее сын.

– Ингри, ты в порядке?

– Нет. Нет, я не в порядке. И похоже, уже не буду.

На том разговор закончился, оставив в душе Берит не самый приятный отпечаток. Она отыскала телефонные номера аптеки, кафе «Мохнесс», пекарни «Золотая челка» и еще пары мест, через которые по поводу и без повода проходила уйма народа. Вроде парикмахерской «У Херста» или портового паба.

А позади все лопались и лопались розовые пузыри.

Крысы

Лео таращился на последнее предложение нового романа, не имевшего даже названия, и находил его чертовски странным. «Бетонный пол подвала походил на грубый срез, по трещинам и сколам которого, казалось, можно было определить возраст беспокойного дома».

Бетонный пол беспокойного дома.

Это словосочетание прочно засело в голове Лео и не желало покидать уютную норку, будто ожидая, когда начнут плавиться розовые стены из мозгов. Он помассировал виски, налил в стакан аквавита и выпил. Глотку обожгло. Диана уже полчаса как отправилась на метеостанцию, а Дима шатался где-то по городку, в котором, предположительно, завелся маньяк. Или обезумевший садовник. Или невменяемый шахтер. Или все сразу.

– Господи Иисусе, мы ведь только приехали, – простонал Лео и закрыл ноутбук.

Он все равно не сможет сконцентрироваться на тексте, пока Дима не вернется домой. Забег с воплями по улицам представлялся пустой и опасной тратой времени. Если слова инспектора не расходились с делом, то уже сейчас Лиллехейм в той или иной форме узнавал о пропаже юной Сары. А еще «каждого несовершеннолетнего отправят домой». И Лео совсем не хотелось, чтобы Дима оказался в коттедже один только потому, что его отец вдруг решил обыскать город.

– Бетонный пол беспокойного дома, – пробормотал Лео. – Ладно, черт с вами. Пусть будет по-вашему.

Он захватил бутылку аквавита, бросил напоследок на ноутбук тоскливый взгляд и спустился в подвал. Включив свет, Лео зажмурился, пытаясь на слух определить, сработали ловушки или нет. Наконец он сошел с лестницы и вздрогнул.

В каждой живоловке находилось по здоровенной крысе.

Грызуны со злобой таращились на своего пленителя, изредка попискивая. Их голые хвосты имели нездоровый жирный блеск, желтые зубки постукивали. Эти твари не были готовы безропотно принять смерть.

Ошарашенный неожиданным уловом, Лео отступил к лестнице, присел и сразу же вскочил. На мгновение ему показалось, что за ступенями прячется третий грызун, для которого не нашлось ловушки.

– Так-так-так. – Лео ощущал восторг и трепет разом. Так близко уличных бродяг ему еще видеть не приходилось. – Я знаю, ребятки, что с вами сделать. Уж вы у меня попляшете.

«Ребятки» тем временем и понятия не имели, что их ждет. Они по-прежнему со злобой шурились и пищали. Лео выскочил из подвала, нашел на столе начатую пачку печенья, куплен-

ного вчера в «Аркадии», и достал два кругляша, пахших клюквой и белым шоколадом. Затем печенье перекочевало в эмалированную миску и попало под струю картофельного самогона.

Глядя, как некогда хрустящий десерт размокает под действием аквавита, Лео ощутил себя злым гением. Пришел черед кормежки. Он спустился обратно в подвал, сияя широкой улыбкой, и побросал в клетки получившуюся кашу.

Крысы с остервенением набросились на угощение.

– Вот так, мои пучеглазики, – прошептал Лео.

Оставив грызунов наедине с едой, мужчина оглядел подвал. На глаза попался старый голубой контейнер для овощей. Металлическая сетка могла запросто выдержать атаку крысиных зубов. Под крышку Лео приспособил лист гофрированного железа, оставшийся, как и контейнер для овощей, от прошлых хозяев.

От пахучего удара аквавита крысы быстро развезло, и они уснули. Лео, весь трясаясь от возбуждения, освободил грызунов и переложил их в импровизированную тюрьму. Сверху на лист железа накидал всякого хлама потяжелее.

– Победитель получит свирепую кличку и титул крысобоя.

Держать обмякших грызунов в руках было приятно, и Лео ощутил нездоровый соблазн погладить их. Он обошел живоловки и снова взвел их. Ароматизатор, впитавшись в специальные дощечки, по-прежнему разносил по подвалу запах бекона. Перед тем как уйти, Лео бросил недоверчивый взгляд на бетонный пол.

«Срез» этого дома был чист.

Тюлень

Дима ехал позади остальных, и его глаза то и дело задерживались на рыже-огненных косичках Дэгни. Станный сон, в котором явилась пугающая женщина, назвавшаяся Сифграй, при свете дня казался детской страшилкой, поведенной у залитого костра. Неужели рассказ Шакальника произвел на него столь сильное впечатление? Хотя бывали сны и почуднее... Дима ощутил, как щеки вспыхнули от стыда, и решил сосредоточиться на педалях... и косичках Дэгни.

Вся их компашка – Арне, Дэгни, Андеш, Франк и даже Тор – направлялась к причалам Лиллехейма. Велосипедные спицы отражали солнце, ветер пах солью, на лицах парили улыбки. Элкхаунд бежал так, словно ехал в машине с высунутой в окно головой.

Все предвкушали встречу с примечательным дохлым экспонатом бухты Мельген.

– Франк! – позвал Дима, глотая ветер.

– Что?

– Кто тебе сказал про тюленя?

– А у него всякий раз прыщ на носу вскакивает, когда к берегу какую-то мерзость прибывает! – крикнул Арне и захохотал.

– Ему Андеш, скорее всего, сказал! – добавила Дэгни.

– Андеш? – Дима перевел взгляд на старшего из братьев Нурдли, катившего в этот момент с открытым ртом.

– Да! Франк сам расскажет! Если захочет, конечно!

Однако Франк подозрительно сник, и Дима решил, что пояснений так и не дождетя.

Они выехали на портовую Оллевейн с огрызком набережной и слезли с велосипедов. Бухта Мельген в это утро олицетворяла собой душевное волнение. От зеленоватого горизонта к Лиллехейму катили двухметровые зеркальные гребни. Они расшибались о волноломы и качали траулеры, которые так и не вышли на охоту. На причалах толпились озадаченные рыбаки.

– Села чайка жопой в воду – жди, моряк, другой погоды, – пробормотал Арне с недоумением. – Барометр же спящую кошку показывал!

Какой-то катер с глупой наклейкой «Ссыкун Посейдон» швырнуло о причал. Швартов лопнул, а в красном суденышке, мгновенно растерявшем весь характер, образовалась течь. Туда с криками бросились рыбаки, пытаясь спасти «Ссыкуна Посейдона». Над галдящими людьми взвились чайки, рассчитывавшие на непонятно какое угощение.

– Тело сейчас появится, – неожиданно заявил Андеш.

От этих слов Диму пробрал озноб. Ему представилось, как море выплевывает мертвеца – раздутого, бледного и обязательно в рванье и ракушках, набившихся в уши и волосы.

Они поехали за Андешем и остановились у безлюдного просевшего пирса, который так и не починили после июльского шторма в прошлом году. Волны сюда все еще доходили, но уже уставшие, почти беззубые. Андеш отбросил велосипед, будто никогда в нем и не нуждался, и повел всех по скользкой лестнице под пирс.

Под шестой сваей моталось блестящее тельце. Детеныша тюленя не только вышвырнуло из родной среды, но и насадило на металлический заусенец, образовавшийся после того, как пирс погнуло, а несколько его свай покорежило.

Все замерли в молчании. Только Тор безостановочно лаял, словно это могло отпугнуть мертвое животное.

– Вот, – с радостью сказал Андеш.

– Сам ты «вот»! – огрызнулась Дэгни. – Я бы в жизни не пошла на такое смотреть! Я думала, здесь будет папа-тюлень или мама-тюлениха!

– А здесь деточка-тюлененок! – поддразнил ее Арне.

– Заткнись.

– Деточка, деточка, деточка!

Арне знал, что сейчас схлопочет, но не мог остановиться. Он бы никому в этом не признался, но вид мертвого детеныша произвел на него сильное впечатление. Такое сильное, что заглушить его можно было только одним способом – оскорбляя и подначивая других.

Дэгни с криком набросилась на него, и они упали на гальку, мутузя друг друга. Она была покрупнее, как и любая девочка по сравнению с мальчиком-одногодкой, и потому Арне приходилось несладко.

– Эй, эй, прекратите! – Дима забегал вокруг них, не зная, как подступиться.

– Оставь их, – бросил Франк, не сводя глаз с тельца. – Сейчас успокоятся.

Дима отошел на шаг и обнаружил, что драка никого, кроме него, не волнует. Даже Тор, прекратив лаять, смотрел только на мертвого детеныша.

– Арне всех цепляет, – продолжил Франк. – Это у него стиль такой. И если он с тобой еще не дрался, то будь уверен – скоро он тебя так достанет, что ты и сам полезешь ему нос расквасить.

– Эй, мелюзга, вы что здесь позабыли?!

По лестнице сбежал мужчина в оранжевом рыболовном костюме. Еще один бедолага, которому не удалось выйти этим утром в море. Дэгни и Арне отпустили друг друга. На лице мальчика, несмотря на ссадину на щеке, блуждала счастливая улыбка.

– Мы смотрим на труп, – честно сказал Андеш, даже не подумав о том, как это прозвучит.

– Труп?!

Мужчина торопливо подошел к ним и с облегчением выдохнул.

– Бедный малыш, – заключил он и повернулся к компаньону: – Вы хоть знаете, что этой ночью прямо из собственного дома была похищена девочка?

– Правда? – Дима побледнел.

– Правда. И сейчас весь Лиллехейм ищет ее. А вам, недолетки, следует быть под надзором взрослых. Так что марш по домам! Живо!

Потрясенные ребята поднялись вместе с мужчиной на набережную и, оставшись одни, переглянулись.

– Похитили девочку?! – Арне выпучил глаза. – Ну и ну. Дима, сознавайся: это твои предки сделали?

Дима поймал выразительный взгляд Франка. Вон он, мол, тот самый момент, когда так и хочется врезать Арне Петтерсону.

– Зачем им еще один ребенок, когда есть я? – наконец выдал Дима.

Арне хохотнул и хлопнул его по плечу.

– Ей страшно, – неожиданно заявил Андеш.

Франк посерел. Не лучше выглядела и Дэгни, как будто речь шла о ней.

– Кому страшно? – спросил Дима.

Понимание происходящего, казалось, витало прямо перед носом, но его никак не удалось поймать.

Андеш не ответил и погладил Тора.

– Иногда на Андеша находит, – проговорил Франк без особой охоты. – Он или знает, что произойдет, или знает, что *уже* где-то случилось. И это пугает всех до чертиков.

– Ты шутишь? – Дима посмотрел на почти взрослого парня, чей неровный череп частично овивал шрам.

– Прошлым летом он сказал мне, что скоро заживет, а вечером я сорвала ноготь на ноге об угол стола. Было ужасно больно, – сообщила Дэгни.

– Зато меня это никогда не трогало, – похвастался Арне. – Хотя он как-то дал Тору конфету, а потом долго смотрел на его хвост.

– И что случилось? – От нетерпения Дима едва не подпрыгивал.

– Ничего. – Арне заржал, вспомнив, как все было. – Я наступил собственной собаке на хвост.

Дима выглядел откровенно разочарованным.

– Так это же ничего не доказывает.

– Еще как доказывает, – возразила Дэгни.

– Шакальник, – вдруг сказал Андеш, и Тор вопросительно посмотрел на него. – Шакальник-Шакальник-Шакальник!

Франк, покраснев от смущения, принялся массировать уродливые шрамы брата, и тот малость успокоился. Дима поежился. Все это казалось донельзя зловещим, как будто кто-то складывал пугающую башенку. Внизу кирпичик «приезд в Лиллехейм», потом идут «визит к Шакальнику», «социопат хватает нож», «странное облако», «сон про женщину-волчицу», «проблемы со связью» и, наконец, самый тяжелый кирпичик – «похищение ребенка».

– Девочка у Шакальника? – с изумлением произнес Дима и сам испугался своих слов. Потому что за подобным умозаключением должны были последовать хоть какие-то действия.

Дэгни побледнела. Она хорошо помнила, с каким звуком лезвие ножа для резьбы по дереву касалось ее волос. Шершаво, с легким потрескиванием, когда срезался тот или иной волосок.

– Мы должны сказать взрослым.

– Тогда у меня есть лучший взрослый из всех возможных, – заявил с широкой улыбкой Арне. – Если никто не вышел в море, то и «Кунна», траулер отца, будет на месте. А он и с места не двинется, пока море не покажет гладкую попку или пока не стемнеет.

Разобрав велосипеды, они поехали вдоль улицы Оллейейн, поглядывая на замершие суда. То и дело кто-нибудь окликал их и отправлял домой, но Арне упрямо доказывал всем, что едет к отцу.

Вскоре показался малый траулер с надписью «Кунна» на серых бортах. Подвешенный на траловых досках внушительный мешок из сетей, при помощи которого ловили рыбу, облепили чайки, выскивая остатки вчерашнего улова. На пирсе прохлаждалась команда «Кунны», с неодобрением поглядывая на сверкающие волны, врывающиеся в бухту Мельген.

Один рыбак толкнул другого, и к ребятам направился капитан траулера – здоровяк в желтом влагостойком полукомбинезоне. Острые синие глаза быстро отыскивали ступавшегося Арне.

– Ты почему здесь, а не дома, сорванец?! – взревел Эджил Петтерсон. – Вы хоть знаете, что этой ночью какой-то ублюдок похитил дочь Лисбет Мартинсен?!

– Пап, не ори, – попросил Арне и бросил быстрый взгляд на друзей. – Мы знаем, где пропавшая девочка.

– Что? – Эджил сейчас же остыл. Посмотрел на Диму: – Это тот мальчишка, что произвел на тебя впечатление?

– Да! Ты можешь не говорить так при всех?!

Эджил протянул руку Диме:

– Мой сын высокого о тебе мнения, парень. А это дорогого стоит.

– Спасибо...

– ...Эджил.

Рукопожатие рыбака было крепким, но осторожным. Дима ощутил, как его ладонь в лапище Эджила свернулась трубочкой. Такого же рукопожатия удостоились Франк, Андеш и Дэгни. Правда, Дэгни получила в довесок еще и подмигивание. А вот Арне достался лишь отеческий подзатыльник.

– По-любому есть за что, – пояснил Эджил сыну и оглядел всех: – Ну, что там у вас, выкладывайте.

Ребята наперебой бросились рассказывать о том, как вчера очутились в гостях у Шакальника и что тот учудил, неся околесицу с ножом в руках.

Момент, когда Дима разбил камень, вызвал одобрение Эджила, и Арне расцвел, будто этот поступок совершил он сам. А вот их догадка о том, что в доме скудоумного шахтера может находиться похищенная Сара Мартинсен, вызвала у рыбака ухмылку. Впрочем, за ухмылкой пряталась нешуточная тревога.

– Я вас услышал, – наконец объявил Эджил. – А теперь и вы послушайте меня. Сейчас все отправится по домам, я развезу. И без возражений, ясно?

Никто не рискнул спорить с капитаном «Кунны». Через десять минут велосипеды компании были погружены в кузов его синего пикапа. Причем все без исключения велосипеды, лежа друг на друге, свисали с откидного борта передними колесами. В кузове, у самой кабины, устроились Дима и Дэгни. Остальные, включая Тора, разместились в салоне вместе с Эджилом.

– Я не хочу домой, – произнесла Дэгни, когда шевроле тронулся с места. – Просто не хочу. – Она привалилась к Диме и обняла его за руку.

– Я тоже, Дэгни, – промямлил подросток. – Я тоже.

– Значит, давай снова встретимся.

Дима обернулся, чтобы проверить, не слышен ли их разговор в кабине пикапа, но Эджил был поглощен управлением машины, вполуха слушая бодрый треп Арне.

– А как же остальные?

– Анне-Лисе плевать, дома Франк с Андешем или нет. Арне тот еще сорвиголова. Думаю, папаня от него и не ждет, что тот будет торчать на заднем дворе и рыть с Тором на пару ямки. А ты как?

Вопрос был с подвохом, и Дима хорошо понимал это. Либо он с этими ребятами, либо нет. Впрочем, он и сам вчера пожелал, чтобы остаток лета прошел без надзора.

– Я с вами, – прошептал он, холодея от одной мысли о том, что предстоит сбежать из дома.

– Ну тогда у нас найдется одно укромное местечко.

Они заулыбались, ободренные перспективой скорой встречи.

Под носом

Каша имела одуряющий аромат абрикоса, хоть и была залита обычным кипятком, а сама относилась к дешевым пищевым концентратам. Микаэль немного подумал, прикидывая, чего не хватает, и долил в облупившийся желтый чайник воды, после чего поставил его на плиту. Да, свежий чай прекрасно дополнит кашу. Он взглянул в окно, забранное досками: море злилось, обсасывая волнорезы бухты. Зато солнце ни на йоту не меняло настроя, заливая все полуденным белым светом.

Отпихнув ногой валявшуюся березовую чурку, Микаэль присел, ожидая, когда закипит вода. Снаружи мелькнула синяя металлическая тень, и у дома резко затормозил пикап. Шевроле еще раз качнулся, когда из него вылезли четверо мужчин. Лица их выражали злобную решимость. Впереди шагал Эджил Петтерсон, капитан траулера «Кунна» и не самый терпеливый человек Лиллехейма.

– Чертовы кретины, – прошипел Микаэль и поспешил к двери, пока ее не снесли с петель. И вовремя. Дверное полотно застонало от града ударов.

– Микаэль Скоглунн, открывай, пока я из твоего домика все дерьмо не выбил! – проорал Эджил, усиливая напор.

Микаэль распахнул дверь, и его сердце беспомощно затрепыхалось при виде хмурой команды «Кунны». Сплошь верзилы-головорезы, которым только кастетов недоставало для полноты образа.

– Чего надо, джентльмены? – По тону Микаэля было понятно, что слово «джентльмены» он использовал исключительно в качестве оскорбления.

– Слышал, к тебе вчера наши дети заходили, – проронил Эджил. – Я тоже зайду?

Не дожидаясь ответа, капитан «Кунны» отпихнул шахтера и вошел. За ним ввалилась и вся команда. В гостиной сразу же стало тесно. Повис рыбный дух, уступавший по крепости только запаху пота.

– Шакальник, ты бы прибрался, что ли, – заметил Рasmus оглядываясь. Пнул ногой березовую стружку. – Господи, только спички не хватает.

– Меня зовут Микаэль Скоглунн, тупица.

– Смотри-ка, он еще и огрызается.

– Я спрошу прямо, – сказал Эджил, вышагивая среди древесного мусора и различных статуэток волков, превративших дом в логово одержимого безумца. – Ты вчера брал нож в руки после того, как пригласил детей к себе на задний двор?

Повисла напряженная тишина, в которой можно было услышать, как бешено запульсировала жилка на шее Микаэля.

– Нет, – наконец промолвил он, и его лицо прочертила дьявольская ухмылка. – Сорванцы проникли на частную территорию, затем разбили кое-что для меня дорогое и со смехом сбежали. Маленькие говнюки.

– Хорошо, – кивнул Эджил и проворно повернулся.

Звук удара прозвучал чересчур отчетливо, будто Бог на своей печатной машинке поставил точку после особенно длинного предложения. Микаэля чуть подкинуло, и он грохнулся на столик, заваленный пивными банками и пустыми пузырьками из-под обезболивающего. Нижняя губа шахтера кровоточила.

– Я рад, что «маленькие говнюки» провели тебя. – Эджил улыбнулся и встряхнул кулаком. – Надеюсь, в следующий раз, когда это случится, ты просто вызовешь полицию и не станешь хвататься за предметы острее собственного пальца.

Команда «Кунны» с холодным равнодушием взирала, как Микаэль поднимается на трясущиеся ноги. К их удивлению, с физиономии шахтера не сползла самодовольная ухмылка.

– Так я и сделаю, – заверил Микаэль, следя за капитаном «Кунны» голодными глазами. – Будто что-то в голову ударило: и почему я так раньше не поступил?

– А Шакальник-то шутник, – с кислой миной заметил Расмус.

– Еще мы слышали, Микаэль, что где-то поблизости может находиться Сара Мартинсен. – Голос Эджила с каждым словом становился все тяжелее. – Этой ночью какой-то ублюдок похитил ее из собственной кровати. Даже собаку ее прикончил. Представляешь? И это у нас в Лиллехейме. Знаешь про это что-нибудь?

Команда «Кунны» смотрела на шахтера с неприкрытой враждебностью.

Микаэль вскинул распухающий подбородок и зашелся в кашле, в котором угадывался смех.

– Знать не знаю о пропаже какой-то говнючки.

– Тогда ты не будешь против, если мы осмотримся.

Рыбаки бросились по разным углам коттеджа. Они распахивали шкафы, открывали двери, совали сопящие от гнева носы в каждый угол. И с каждой секундой обыска убранство домика все больше приходило в негодность. Расмус, топя сапогами, отправился на второй этаж. Там что-то загрохотало.

Эджил тем временем вышел на задний двор. Огляделся. С минуту смотрел на сокровища синего брезента. Осколки мутно-красного берилла и кристаллического сланца валялись на чахлом газоне, собранные в странную пирамидку. Капитан «Кунны» улыбнулся: здесь русский парнишка, заботясь о друзьях, сказал свое мужское слово.

У ног Эджила легла тень. Микаэль замер у пластикового столика с необработанной березовой чуркой. Рука шахтера подрагивала, точно намереваясь схватить лежавший нож для резки по дереву. Эджил прошел обратно в дом, сознательно подставляя спину для удара. К его разочарованию, шахтер и не подумал этим воспользоваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.